

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой

2

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой - 2

«Автор»

2026

Арх М.

Первый БПЛА Второй Мировой - 2 / М. Арх — «Автор», 2026

Я и представить себе не мог, что подземный объект по изучению беспилотников станет моим билетом в прошлое. Один миг — и я посреди лесов в 1942 году, среди войны, в которую никогда даже не мыслил попасть. Технологии будущего рядом, враги — вокруг, а единственный знакомый человек — тот, кого я встретил уже здесь. Теперь каждый день — борьба за жизнь и попытка понять, какую роль судьба отвела мне в этом трудном времени.

© Арх М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 Охранный полк	6
Глава 2 Осколок будущего	11
Глава 3 Общий дом	16
Глава 4 Решили и сделали	22
Глава 5 А почему бы и нет?	27
Глава 6 Не всегда находка полезна	31
Глава 7 Неожиданная весть	35
Г	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой - 2

Глава

Максим Арх

Первый БПЛА Второй мировой
Книга 2

Глава 1 Охранный полк

Интерлюдия

20 апреля 1942-го года. Поселок Рудня, временный командный пункт 3-й роты 286-го охранного полка (Sicherungs-Regiment 286)

Середина апреля на Смоленщине была обманчива. Днем яркое и почти теплое солнце плавило снег в тенистых оврагах и превращало дороги в киселеобразную грязь, к ночи же северный ветер выстуживал даже крепкие стены кирпичного здания бывшей лесной конторы, где теперь размещался штаб оберст-лейтенанта Эриха Вольфа.

Откинувшись на стуле, офицер разглядывал оперативную карту, испещренную пометками. Красным карандашом он отмечал подтвержденные контакты с партизанами. Синим – диверсии на железной дороге. А зеленым – подозрительные, но неясные инциденты. И нужно сказать, зеленых отметок за последнюю неделю стало гораздо больше. Тут было о чём задуматься.

В дверь постучали. И после разрешения в комнату вошёл лейтенант Курт Браун.

– Лейтенант Браун для доклада, герр оберст-лейтенант, – закрыл за собой дверь тот и щелкнул каблуками, отдавая честь.

– Садитесь, Курт. Избавьте меня от формальностей. Что нового в нашем тихом королевстве? – Вольф жестом указал на стул.

– Нового, к сожалению, много. И ничего хорошего. Ситуация становится... странной.

– «Странной» – это не категория военного устава. Прошу вас выражаться более конкретно.

– Да, господин оберст-лейтенант. Начну с начала. Вы помните, позавчерашней ночью, пятнадцатого апреля, нашим «Мессершмиттом» в районе болот у Давыдово был сбит русский самолёт?

– Разумеется, помню. Летчики и парашютисты погибли. Было предположение, что один из диверсантов выжил, и мы выслали поисковые группы.

– Именно так. Группы из второго и третьего взводов прибыли в указанные координаты на рассвете. Местность прочесали. Ни парашютистов, ни следов не нашли. Но... – Браун заколебался, перебирая листки в полевой сумке.

– Но?

– Но в своих письменных рапортах трое унтер-офицеров, командовавших группами, упомянули об одном и том же... явлении. Во время выдвижения к месту ещё в темноте они заметили в небе низколетящий силуэт. Маленький, бесшумный... точнее, не совсем бесшумный. Все описывают его как «жужжащий», как «майский жук, только больший по размерам», или как «тень облачка, плывущую против ветра». По нему был открыт беспорядочный огонь из карабинов, но в итоге безрезультатно.

Вольф задумчиво потёр подбородок.

– Переутомление? Галлюцинации от ночного бдения? Вы же знаете, какие байки начинают ходить среди личного состава после двух месяцев в этой глуши.

– Я бы так и подумал, герр оберст-лейтенант, – кивнул Браун. – Но силуэт видели независимо друг от друга три группы с разных направлений. Один из фельдфебелей, старый фронтовик, воевавший ещё в Польше, клянётся, что видел «маленький самолет без крыльев, который разговаривал на русском языке». Он утверждает, что слышал от него обрывки речи, похожей на радиопереговоры. Другие говорят о «призраке в ночи» или «гигантской летучей мыши».

Командир второго взвода в итоговом рапорте написал, что, возможно, это был новый тип советского радиоуправляемого снаряда или разведывательный аппарат.

– И что, этот «призрак» унес с собой гипотетически выживших советских парашютистов? – в голосе Вольфа зазвучала легкая ирония.

– Нет. Как я и сказал, следов парашютистов не нашли, но странности на этом не закончились. Вчера, девятнадцатого, из деревни Никитино поступило донесение от нашего унтер-офицера хозяйственной команды: местный полицай, некто Гришка, якобы захватил в лесу подозрительного человека, возможно, того самого советского диверсанта, который предположительно мог выжить после падения самолёта. Он доставил его в деревню.

Командир полка нахмурился.

– «Якобы»?

– Именно. Когда наш патруль прибыл в Никитино для проверки, выяснилось следующее. Труп полицая Гришки нашли за околлицей, у сараев. Смерть от травмы черепа, нанесённой тяжёлым тупым предметом с большой силой. А в доме, где размещалась местная вспомогательная полиция и где, по словам старосты, должно было продолжаться «застолье по случаю поимки шпиона», мы обнаружили следы мощного взрыва и три обгоревших трупа.

– Партизаны. Очевидно же – ликвидация предателей и освобождение пленного.

– Так мы и подумали вначале, герр оберст-лейтенант. Немедленно была проведена операция по прочесыванию местности. Задействовали пехотную роту, усилили её кинологическим отделением, опросили всех жителей. Результат – ноль. Ни следов крупной группы, ни признаков засады, ни тайников, ни даже стреляных гильз, кроме наших. Местные жители, которых мы допрашивали, были напуганы до полусмерти, но их показания лишь запутали картину. Они утверждали, что слышали крики и ругань ещё до взрыва. Что покойные ругались между собой, обзывали друг друга «бандитами» и «сволочами». Один старик сказал, что слышал, как Гришка, напившись до полного безумия, кричал что-то вроде «если вы не будете делать, как я скажу, отправлю вас в геенну огненную».

– Пьяный бред?

– Думаю – да.

– Гм, и что же у нас получается: версия о пленном диверсанте была ложной с самого начала?

– Скорее всего, так и есть. Была просто пьяная ссора, переросшая в убийство, – заключил Браун. – Судя по всему, Гришку убили свои же, возможно, при дележе чего-то или в ходе пьяной драки. Есть предположение, что не поделили женщину, а его самого убили прикладом или, например, поленом. А потом вся компания продолжила пьянствовать в доме, где и произошёл несчастный случай с гранатами.

– А почему именно гранаты? – удивился Вольф.

– Характер разрушений, соответствующий именно данному виду боеприпаса, господин оберст-лейтенант. Взрывная волна выбила окна и двери, осколки рассеяны внутри помещения конусом от одного источника, что находился возле печи. Наши саперы подтвердили – это взрыв ручной гранаты, причём, судя по радиусу поражения, не одной.

– И что? Эти идиоты играли с гранатами? Или они взорвались из-за того, что печь разжигали?

– Очень вероятно, что так и было – неумелое обращение, пьяная бравада и закономерный плачевный результат... Но, – Браун сделал паузу, – вчерашний инцидент с бронетранспортёром заставляет взглянуть на эту версию под другим углом.

– «Ханомог» третьего взвода? Тот, что подорвался на марше?

– Тот самый. Машина была уничтожена полностью. Экипаж из четырех человек погиб. Первоначально было предположение о минной атаке или даже попадании противотанкового снаряда из засады. Однако...

– Однако следов засады опять нет, – закончил за него командир.

– Так точно, герр оберст-лейтенант. Место инцидента было обследовано самым тщательным образом. Мы досконально осмотрели остатки брони. Картина та же: мощный внутренний взрыв, приведший к детонации боекомплекта. Взрыв, судя по всему, произошёл в десантном отделении. И снова – признаки, характерные для взрыва ручных гранат. Никаких следов минирования дороги. Никаких следов крупной партизанской группы в радиусе пяти километров – мы прочесали лесополосы, овраги и проверили все деревни вокруг.

В комнате повисла тишина. Вольф медленно поднялся из-за стола, подошёл к окну, после чего задумчиво произнёс:

– Получается, что и в доме полицаев, и в «Ханоме» произошло фактически одно и то же? Гранаты?

– Да, господин оберст-лейтенант. Взрывные устройства ручного типа. Картина поражения практически идентична, если сделать поправку на замкнутое пространство бронетранспортёра.

– Тогда это брак партии боеприпасов! Идиотский, смертельный брак! Они взрываются самопроизвольно?

– Мы... склоняемся именно к этому выводу, – осторожно подтвердил Браун. – Та партия гранат, что была в доме у вспомогательной полиции и что была в бронетранспортёре у наших солдат, могла быть одной и той же. Следовательно, они либо изначально были бракованными, либо... – он сделал паузу, подбирая слова, – либо мы имеем дело с актом саботажа.

– Саботажа? – Вольф прищурился. Мысль была неприятной, но логичной. – И где? На складах?

– Или на производстве... Точно утверждать не могу. Но и исключать этого нельзя, – Браун выпрямился, чувствуя, как его версия обретает вес. – Подумайте. Партия поступает на склад. Её могут «доработать» либо недобросовестные рабочие-остарбайтеры, либо даже... – он понизил голос, хотя кроме них в комнате никого не было, – ...агенты, внедрённые ещё до войны. Изменить взрыватель, подпилить деталь, чтобы срабатывание было случайным или мгновенным. Или, что гораздо хуже, снарядить учебные муляжи настоящей взрывчаткой. Такие случаи были зафиксированы в Рейхе... В любом случае, учитывая гибель наших солдат, а не только этих... местных помощников, я считаю, что нам следовало бы доложить об инциденте интенданту в отдел снабжения армии. И, возможно, в отдел контрразведки при штабе тылового района, чтобы они провели проверку на всех складах группы армий «Центр».

– Согласен. Неисправный боеприпас – это преступная халатность, за которую кто-то ответит. Но вот что я не понимаю, – Вольф снова сел за стол, уставившись на Брауна. – Как одна и та же партия гранат могла оказаться и у солдат вермахта в бронетранспортёре, и у вспомогательной полиции в каком-то богом забытом Никитино?

Докладчик ожидал этого вопроса, а потому почти сразу произнёс:

– Есть несколько версий. Первое: вспомогательную полицию могли вооружить с того же полкового склада, что и нас. У местных на руках часто старое или трофейное оружие, не всегда пригодное для боевых действий. Второе... – он слегка замялся, зная, что следующее предположение вызовет гнев. – Второе: мог иметь место факт банального разгильдяйства и неучтённого обмена. Наши солдаты... особенно те, кто долго находится в таких богом забытых гарнизонах... могли обменять несколько гранат у полицаев на что-то ценное. Например, на тот же местный шнапс, который они называют «самогоном». Или на консервы, на теплые вещи.

– Это возмутительно! – Командир полка ударил ладонью по столу, заставив подпрыгнуть карандаши в стакане. Его лицо заметно покраснело. – Солдаты вермахта, обменивающие казённое оружие, да ещё и бракованное, на свинскую водку у этих... этих унтерменшей?! Это прямое предательство! Это саботаж в квадрате! Если это правда, я сам лично отправлю таких «торговцев» в штрафную роту на передовую! Им место не здесь, а в окопах!

– Я разделяю ваше возмущение, герр оберст-лейтенант, – быстро сказал Браун, видя, что гнев начальника направлен не на него. – Поэтому нам необходимо срочно проверить и эту версию. Начать с ревизии полкового склада боеприпасов, сверить журналы учета, опросить каптенармуса и кладовщиков.

– Сделайте это! Немедленно! – прошипел Вольф, снимая очки и устало потирая переносицу. Весь этот хаос, эта цепочка идиотских смертей начинала вызывать у него мигрень. – Действуйте, лейтенант. Ещё что-нибудь? Есть хоть какие-то хорошие новости?

Подчинённый замер в нерешительности. Вопрос застал его врасплох. В голове пронеслась мысль о пропавшем грузовике. Он до последнего взвешивал, докладывать ли о таком, в сущности, мелком и постыдном происшествии. Пропал грузовик Opel Blitz с продовольствием для передовых постов. В нём были солдат-шофер и ефрейтор из обоза. Ни машины, ни тел, ни даже следов ДТП найти не удалось. Первая и самая очевидная мысль – два разгильдяя, уставшие от тоски и грязи, просто где-то загуляли, слетев с катушек. Возможно, прихватив с собой какой-нибудь «сувенир» в виде ящика консервов или пачки сигарет. А потом поступила информация из Никитино. Тот же бородатый староста, путаясь и крестясь, проговорился, что видел этот самый грузовик у окраины деревни примерно в то же время, когда в лесу горел «Ханомег». А ещё он, запинаясь, упомянул, что в ту ночь из деревни пропала одна семья – вдова и её восемнадцатилетняя дочка. Староста и его сыновья клялись, что ничего не видели и не слышали. Но глаза у мужика бегали, а толстомордые отпрыски стояли потупившись и явно что-то скрывали. Браун тогда, уставший и раздражённый, отмахнулся от этих варваров и не стал писать докладную записку. Картина складывалась мерзкая, но по сути – банальная: пьяные солдат и ефрейтор решили поразвлечься, а потому могли насильно забрать женщин и увести их в неизвестном направлении «для забавы». Разумеется, по возвращении (если вообще вернутся, а не дезертируют), их будет ждать дисциплинарный выговор и, возможно, даже отправка на передовую. Но начинать из-за этого большую операцию, поднимать по тревоге уставших людей, рыскать по ночным лесам и болотам в поисках двух дезертиров-наильников и их жертв... Это казалось ему сейчас верхом расточительства сил и времени.

И главное – у него были другие планы на вечер.

«Нет – не сейчас. Если за вечер и ночь не найдутся, то доложу завтра. Или послезавтра. В своё оправдание скажу, что ждал дополнительной информации. Пока же об этом буду молчать», – решительно подумал Браун и, покачив головой, стараясь, чтобы голос звучал ровно, произнёс:

– В общем-то, нет...

Но что-то в его интонации выдало колебание. Его командир, уже надевавший было очки, остановился.

– Так это – да или что? Выражайтесь яснее. Что-то ещё произошло или нет?

Лейтенант почувствовал, как под воротником мундира выступил холодный пот. Он собрался с силами и твёрдо заявил полуправду:

– Нет, герр оберст-лейтенант! Больше никаких происшествий нет. Только вездесущая рутина, занятие которой отнимает огромное количество времени.

Как ни странно, лицо Эриха Вольфа даже немного потеплело после этих слов.

– Соберитесь, лейтенант. Не время раскисать. – И вождённое: – Свободны!

На ватных ногах, чувствуя сверлящий взгляд командира в спину, Браун вышел, стараясь не ускорять шаг. Только оказавшись на улице, где холодный ветер обжег разгоряченное лицо, он позволил себе выдохнуть.

Час дня. До вечера ещё далеко. Нужно отдать приказы по проверке склада, написать черновик донесения о возможном браке боеприпасов... А потом...

Потом его ждал вечер. И не просто вечер, а долгожданный визит в «Офицершхайм» в Согравске, который устроили в здании бывшего учительского института. Офицерское собра-

ние, только для высшей касты, в которую он был вхож. Там обещали быть не только сносный ужин и приличное французское вино, конфискованное ещё в сорок первом, но и... компания.

Ходили слухи, что привезли нескольких «фройляйн» – не этих замурзанных местных, а немок и даже пару польских девиц из административного аппарата. И это было очень воодушевляюще. Девушек, с которыми можно поговорить на родном языке, пофлиртовать, потанцевать под патефон, он не видел очень давно. Возможно, сегодня в той прекрасной атмосфере праздника и радости ему даже посчастливится завести более близкое знакомство в одной из отведенных комнат на втором этаже. После месяцев грязи, холода и постоянного напряжения, после вида обгоревших тел в «Ханомаге» это было как мираж в пустыне. Браун уже представлял себе тепло начищенного паркета, смех, звуки танго, приглушенный свет абажуров, мягкие руки, запах духов, смешанный с дымом дорогих сигарет... Это был островок прежней, почти забытой цивилизации. Шанс почувствовать себя не солдатом в медвежьем углу, а молодым офицером, человеком.

Мысль о том, чтобы променять этот вечер на организацию ночных поисков каких-то пропойц и насильников, вызывала у него почти физическое отвращение.

«Пусть их ищут завтра, – думал он, направляясь к своему бараку. – Сегодня я своё уже отработал».

В кармане его полевой куртки лежала маленькая коробочка с французскими шоколадными конфетами, которые он выменял у интенданта на трофейные часы. Он надеялся, что они, возможно, произведут впечатление на какую-нибудь красавицу, и вечер он проведёт не в одиночестве.

Одним словом, молодому офицеру было совершенно не до поиска пропавших солдафонов – его ждало заведение для избранных.

Глава 2 Осколок будущего

– Что ж, добро пожаловать в кусочек моего прошлого. Начнём с потолка. Как видите, там металлический каркас, в который вставлены декоративные плитки белого цвета. В некоторые плитки вмонтированы светодиодные лампы дневного света. Эти лампы не имеют нити накаливания и светят за счёт того, что электрический ток заставляет светиться особый полупроводниковый кристалл. Почему я об этом говорю? Потому что они на виду, и вы всё равно будете задаваться этим вопросом. Так вот сразу же и поясню – в вашем времени подобные технологии ещё не придуманы, и если прогресс пойдёт теми же темпами, как и в моём прошлом мире, то придуманы они будут в начале 60-х годов. Впрочем, теперь, после моего попадания в ваше время, есть вероятность, что мы сумеем хоть сколько-нибудь сократить этот период. – Я покосился на явно удивлённых всем происходящим членов спасённого семейства и, понимая, что технические детали сейчас явно лишние, продолжил: – Однако, после всего пережитого, вам, очевидно, хочется отдохнуть. А потому давайте начнём экскурсию именно с того места, в котором вы и будете жить. Прошу, – показал направление и прошёл в самую северо-западную часть подземного объекта. – Вот, – кивнул на табличку. – Это жилой бокс № 1. Всего этих модулей пять. Один завален землёй, а остальные пригодны для жизни. Как вы видите, расположены они рядом друг с другом. Я живу в четвёртом, товарищ младший лейтенант расположился в третьем, а вы будете жить в первом. Он рассчитан на шестнадцать человек, поэтому вам троим там будет вполне комфортно. Вопросы?

– А во втором кто живёт? – спросила Галина Ивановна – мать спасённого нами семейства.

– Никого. Он нами пока используется для складирования вещей, что были найдены после перемещения. К сожалению, при этом сами люди исчезли.

– Умерли? – поинтересовалась Аня.

– Нет, просто исчезли, вероятно, оставшись в том времени. Их вещи переместились в прошлое, а сами они – нет.

– Неужели такое может быть? – прошептала мать семейства. – Это уму непостижимо.

Я пожал плечами.

– Сказать по правде, я и сам до всего произошедшего не верил в такие фантастические истории, которые были широко представлены в художественной литературе. Ну кто вообще в здравом уме поверит в какие-то перемещения во времени?! Но теперь у меня просто нет другого выбора. Его мне никто не предлагал сделать и не дал. Судьба поставила меня перед фактом, и я оказался во времени, которое далеко от моего. И тут уж ничего не поделаешь.

– То есть вы убеждены, что вы из будущего?

– А вы думаете, что может быть как-то иначе? – удивился я.

– Я не знаю... но просто всё рассказанное вами удивительно и даже в какой-то мере – слишком. Вы не предполагали, что можете заблуждаться? Возможно, что вы просто болеете, и вам всё это кажется?

– Типа я сошёл с ума, а на самом деле проживал в 1942 году?

– Ну... да. Ведь сейчас многие люди из-за войны и сопутствующего этому ужаса, испытав страх, уже не понимают, где и когда они находятся. Поверьте, я таких видела.

– Гм, такая версия могла бы быть правдивой, – вздохнув, согласился я. – И вполне можно допустить, что никакого перемещения во времени не произошло, и я просто являюсь городским сумасшедшим, который втемаяшил себе в голову, что он пришелец из будущего. И даже развить и кое-как обосновать данное предположение вполне можно было бы. Например, сойдя с ума, я каким-то чудом нашёл секретный военный объект, что был покинут нашими войсками при отступлении, и, обосновавшись, стал в нём жить. Вы ведь это имеете в виду? – Женщина

неуверенно кивнула. – Но как быть со всем этим? – я обвёл рукой вокруг. – Лампы, коих в сороковых нет, потолок «Армстронг», которого тоже в начале сороковых нет. Как и оружие типа пистолета Макарова и автомата Калашникова тут тоже нет отродясь. Да что там говорить, в холодильниках куча продуктов с маркировкой, на которой написано, что всё это произведено в 2025 году. Или вы предполагаете, что всё это я смог сделать сам?

– Нет, – помотала она головой и успокаивающе произнесла: – Просто, понимаете, Николай, мы уже давно приучены к материализму и с трудом верим в чудо, ведь чудес не бывает.

– В каждом правиле, как вы теперь тоже видите, есть исключения. И, вероятно, событие, произошедшее со мной, одно из них – я тот, кого тут быть не должно!

Вся троица испуганно посмотрела на меня.

И я их прекрасно понимал – моя история действительно была для них воистину сверхъестественной.

Десятью минутами ранее, после того как я предложил чудом избежавшим смерти женщине с двумя детьми вступить к нам в отряд, они даже не совещались.

Дочь женщины, Аня, восемнадцати лет, будучи комсомолкой, сама хотела этого ещё до моего предложения. Маленький восьмилетний Ваня из-за возраста не мог оценить происходящее, но военная форма, наше оружие и мы сами, как бойцы Красной армии, ему нравились, и потому, услышав, что станет партизаном, естественно, как и любой пацан в его возрасте, сразу же обрадовался и захлопал в ладоши. Ну а глава их семейства, одинокая сорокалетняя женщина, понимая, что избежала не только своей гибели, но и гибели детей, стремясь всеми силами оградить их от опасностей, разумеется, тоже согласилась. К тому же она, будучи учительницей в школе, не лишена была и патриотизма, а потому, узнав, что мы собираемся не просто тут отсиживаться, а бороться с врагом, пообещала всеми силами помогать нам в чём угодно.

Галина Ивановна, переведя взгляд с меня на Сергея, спросила:

– И вы тоже, товарищ младший лейтенант? Вы тоже из другого века?

– Нет. Я, гм, так сказать, местный, – чуть замаявшись, произнёс мой напарник – разведчик-диверсант Сергей Кудрявцев и на всякий случай пояснил: – Такой же, как и вы. Только жил до войны не здесь, а в Ленинграде и в Москве.

– А сюда как попали? Вы тут служили и воевали?

– В составе разведывательно-диверсионной группы направлялся на задание. Самолёт был сбит. Все погибли. Выжил только я. Меня нашёл Николай и тоже спас, как, собственно, и вас. Причём не единожды. Вначале из окружения вывел, когда меня немцы с собаками искали, а затем из плена... В вашей деревне меня пленили, а он помог сбежать.

– Из плена? – встрепелась Аня. – Так это тебя полицаи схватили и, избив до полусмерти, держали в сарае? А потом они все взорвались на гранатах и погибли. А пленник, то есть ты, говорили, тоже взорвался. Но на всякий случай потом по всем окрестностям искали. Значит, ты выжил и не нашли...

– Не нашли. Я тогда сознание потерял, и Николай меня несколько километров на себе тащил. Теперь вот вместе воюем.

Галина Ивановна явно в растерянности посмотрела на меня и прошептала:

– Скажите, так если вы из будущего, то знаете, когда война закончится?

Я, разумеется, знал и без каких-либо прелюдий сообщил о победном мае 1945 года, после чего в общих чертах рассказал о тяжёлых испытаниях, что выпадут на долю нашей Родины и её народа на протяжении всей войны.

В конце своего повествования, увидев, что женщины расстроены тем, как долго продлится война, решил их подбодрить.

– В этот раз история пойдёт чуть по-другому, ведь в этом времени теперь появились недоступные ранее технологии, и с помощью них нам под силу сделать так, чтобы немцу было несладко.

– Вы имеете в виду тот летающий самолёт? – уточнила Галина Ивановна.

– Это БПЛА – беспилотный летательный аппарат. Он способен нести груз до пяти килограммов, и он очень помог нам, в том числе и в вашем освобождении. Но это далеко не все технологии, что имеются на объекте. К сожалению, большая их часть сейчас находится под завалами. При переносе пласты земли проломили некоторые стены, и те помещения битком забиты грунтом. Что там внутри, мы точно сказать пока не можем. Однако раскопками занимаемся, а это значит, что рано или поздно обязательно доберёмся до других предметов из будущего, если они, разумеется, там есть и сохранились.

После того как семейство разместилось в жилом боксе № 1, я предложил пройти и осмотреть другие помещения.

Но меня остановил вопрос Ани:

– А собака? Где нам разместить пса?

Ребёнок тут же понял, о чём, а точнее, о ком идёт речь, и, испуганно глядя на меня, прошептал:

– Наш Шарик.

– Гм, – задумчиво произнёс я, посмотрев на домашнего питомца, сидящего у ног мальчика. – С ушастым, вероятно, возникнет проблема. Ему же нужно гулять.

С этим никто спорить не собирался. Собака – живое существо и по меньшей мере ей, а точнее – ему, хотя бы пару раз в сутки нужно справлять естественные надобности.

Неплохой выход из сложной ситуации предложил Сергей.

– Может быть, для этого использовать коридор? – сказал он. – Мы ж туда землю с раскопок навозили. Пусть там и ходит по нужде.

– Гм, ну да, можно, – согласился я. – Не к лотку же его приучать. А что касается места, где ему жить, то до тех пор, пока ничего другого не придумаем, будем запираť собаку в помещении полупустого арсенала № 2. Вероятно, придётся оттуда оружие опять убрать.

– Только ж занесли, – вздохнул разведчик.

– Ну а что делать? Вряд ли удобно будет женщинам с ребёнком проживать вместе с собакой. Да и, насколько я понял, не приучена она жить среди людей в доме.

– Шарик будка нужна, – выдал восьмилетний Ваня.

– Гм, будку сделать можно, но позже...

Галина Ивановна прижала мальчика к себе и сказала:

– Сергей, да ничего. Мы можем и все вместе пожить. Он чистый и опрятный пёс. Приучим его. Гадить где попало не будет.

– Гадить-то – это полбеды, – отмахнулся я. – Главное, чтобы он провода не стал грызть.

– А может? – удивился Кудрявцев, оценивающе посмотрев на четвероногого.

Тот, словно бы почуяв оценивающий взгляд, отвернул голову.

– Конечно может. Даже кошки грызут иногда. У них зубы чешутся, вот они и жуют всё, что ни попадя. А в нашем случае это категорически недопустимо! Он может запросто сгрызть что-то такое, что мы впоследствии не сможем восстановить, потому что попросту не из чего – нет у нас тут таких запчастей, технологий, материалов, производств. И тогда наша автономность будет под вопросом. Следовательно, данную возможность мы должны полностью исключить. Поэтому все слушайте мою команду! – Сказав это, я покосился на Кудрявцева. Но тот никак не отреагировал, вероятно, приняв как должное, ибо с любой точки зрения объект был моим, а потому и командовать на нём я имел полное право. И я продолжил. – Собака никогда не должна оставаться без присмотра вне коридора, в котором находится вывезенный из заваленных помещений грунт. Более того, с этого момента все двери всегда должны быть закрыты.

И ещё, собака не должна входить в некоторые помещения. В первую очередь это касается нежилых помещений: компьютерной комнаты, дизельной, столовой, лаборатории и так далее. Одним словом, собака в присутствии кого-то из её непосредственных хозяев может либо гулять по коридорам, либо по комнатам отдыха и по приглашению заходить в жилые боксы. Вы запомнили? Я на всякий случай это на плане отмечу. Кстати, план объекта висит на стене в коридоре. Если вы забудете, где тут что, то, посмотрев на него, легко сможете найти нужное помещение. Всем ясно? – Народ кивнул, и я, посмотрев на четвероногого, задумчиво добавил: – И вот ещё что, неплохо бы подумать об ошейнике и поводке.

– Можно из кожаного ремня и брезента сшить, – нашёлся Сергей.

– Отличная идея, вот и займись на досуге, – улыбнулся я и, повернувшись, произнёс: – Понимаю, что вы устали и хотите отдохнуть, но перед этим давайте покажу ещё несколько необходимых для жизни помещений. Пойдемте. Запомните, весь объект условно разделён на три части: восточное крыло, центр и западное крыло. Сейчас мы с вами находимся в западном. Тут, как вы уже увидели, расположены жилые помещения, а рядом – душевые кабины и прачечная.

– Как красиво, – сказала Аня, разглядывая блестящую хромированную сантехнику душевых кабин.

На мой взгляд, ремонт был выполнен довольно посредственно. Обычные пластиковые панели, матовые перегородки, лейки с кранами из строительного магазина, разве что не самые-самые дешёвые. Плитка тоже выглядела небогато, хоть и пыталась маскироваться под чёрно-белый мрамор.

Однако женщин и ребёнка всё это убранство буквально восхитило.

– А это всё работает? – осторожно поинтересовалась Галина Ивановна.

– Я сам был удивлён этому факту, но оказалось, что да – работает. Бойлер на триста литров нормально греет, а вода из скважины поступает во все краны.

Тут нужно заметить, что данный факт после перемещения меня действительно немало поразил. Получалось, что как минимум часть инфраструктуры вместе с бункером не только тоже перенеслась во времени и пространстве, но и даже скважина с насосом (исходя из того, что водоснабжение работало), попала точно в подземные водные слои. Полностью ли пригодная для питья вода поступала в нашу систему, я, разумеется, не знал. Но не без оснований предполагал, что в середине прошлого века мир ещё не так загрязнён техническим прогрессом и вода тут пока более-менее чистая. Разумеется, она могла иметь разную жёсткость и тому подобное, но сейчас под рукой у меня не было специализированной лаборатории.

Как только понял, что вода в объект поступает, проверил её несколькими доступными мне способами: понюхал, попробовал на язык и поставил отстаиваться в банке на предмет осадка. Сам же я, а потом и Сергей (когда присоединился), на время эксперимента пользовались исключительно бутилированной водой, которой было вдоволь на продуктовом складе. В конце концов за несколько дней никакого осадка в воде не обнаружилось, из чего я сделал логичный вывод, что она вполне пригодна для употребления.

– Ой, Николай, у вас тут есть и горячая вода? – удивлённо воскликнула Анна, открыв кран.

– Есть, – кивнул я. – Только мыться нужно при строгой экономии! С самой водой проблем, как видите, нет. Но вот с электричеством, от которого работает в том числе и нагревающий бойлер, у нас проблема. Его всегда нужно экономить и за собой постоянно выключать свет. И хотя тут стоят энергосберегающие лампы, тем не менее они всё же потребляют энергию. Что же касается самого душа, то поступать нужно так: пришёл, разделся, включил воду, быстро ополоснул тело, выключил, помылся, сполоснулся, выключил. Что касается стирки, то мелкие вещи индивидуальные каждый стирает сам в тазиках. Крупные же вещи, когда накопятся, стираем в стиральной машине.

– Это что за машина такая? – не поняла Галина Ивановна.

Я указал рукой на одну из двух стоящих у стены «стиралок» и в общих чертах рассказал их характеристики.

– Неужели вы вправду десять килограммов одежды сможете выстирать?

– Сможем, но проверять будем, когда будет что стирать. А пока пойдёмте, покажу вам ещё один архитектурный ансамбль.

Пять туалетных кабинок, пять раковин и пять автоматических сушилок для рук произвели на троицу ошеломляющий эффект. Конечно, вполне вероятно, что не только сантехника, а само помещение, выложенное плиткой и оформленное множеством узких зеркал. Если с последним было понятно – их, скорее всего, устанавливали, чтобы сделать и без того большое помещение иллюзорно ещё большим, – то вот чем руководствовались дизайнеры, решив использовать на секретном объекте плитку, выполненную под золото, я даже представить себе не мог. А всё потому, что обстановка в туалете чем-то напоминала самый вульгарный кабак времён гражданской войны.

– Красота какая, – прошептала Аня и задала логичный с её точки зрения вопрос: – Зачем же вы такую красоту в отхожее место установили?

Я хотел было пошутить, мол, такой красоте тут самое и место, но потом лишь махнул рукой, сказав: «Девочки-дизайнеры перестарались», – и предложил пройти в соседнее помещение.

Разумеется, столовую сразу же узнали все. Именно за её стеной был вход в секретный коридор, через который мы попали внутрь. Несколько простых, но функциональных столов, стулья, ряд крупных холодильников и стеллажей с посудой – здесь всё было обустроено для долгого автономного проживания.

Женщины и маленький Ваня смотрели на эту обстановку с нескрываемым изумлением. Для них, привыкших к скудному военному быту, такое изобилие и порядок казались нереальными. Холодильники, тихо гудящие в углу, приводили их в трепет – они не могли поверить, что машина может создавать холод сама по себе.

Пошли дальше по бункеру. Новые члены отряда смотрели на всё вокруг, открыв рты. Особенно их поразили компьютеры. Я не стал углубляться в объяснения программирования и тому подобного, а просто сказал, что эти машины способны почти на всё. И чтобы лишний раз не сотрясать воздух, включил им сначала игру «Сапёр», потом немного музыки, а затем несколько видеоклипов.

Наблюдая за этой нереальной картиной – я нахожусь в 1942 году и показываю местным жителям то, что будет снято через восемьдесят с лишним лет, – я сам не мог поверить в происходящее. Однако люди вокруг были реальны. Их интерес неподделен, а смех и слёзы вызывали в душе невероятные и противоречивые эмоции.

Глава 3 Общий дом

На ужин изысками решил никого не удивлять и приготовил, а точнее будет сказать, разогрел гуляш с гречкой. Еда хоть и простовата, но вкусная, и все ели её с удовольствием. Из напитков были квас, кофе и чай.

Волею случая попавшие в необычную обстановку женщины и ребёнок, разумеется, во время трапезы удивлённо косились по сторонам. Оно и понятно, для них тут всё было в диковинку. И лёгкие стулья из алюминия, и прозрачный стол из калёного стекла, и даже висящий на стене подсвеченный всеми цветами радуги аквариум, в котором плавало несколько золотых рыбок. «Не забыть бы покормить».

У новоиспечённых членов отряда, конечно же, было множество вопросов, но они, вероятно, стеснялись их задавать. Я же ни хотел нагружать их кучей не столь важной информации, решив, что для первого дня они и так достаточно много впитали нового.

Поели в тишине. Когда ужин подошёл к концу, я напомнил про план, висящий на стене («Если заблудитесь!»), и занялся уборкой со стола.

– Николай, может быть, вам помочь? – спросила Галина Ивановна.

– Нет-нет, сегодня отдыхайте. Я сам, – ответил я. – Вы и так напереживались.

Поблагодарив за вкусный ужин, семейство ушло к себе в комнату, и мы остались с Сергеем тет-а-тет.

– Ну что, – вздохнул тот, помогая убирать чашки, – будем считать проведённую операцию условно успешной.

– Если только условно, – согласился я, споласкивая одноразовые тарелки. – Людей мы, конечно, спасли – и это хорошо, однако мало того что своей цели не добились, так ещё и полностью остались без боезапаса.

Кудрявцев согласно кивнул, а потом, чуть подумав, сказал:

– Возможно, мы смогли бы сделать «сбросы» сами, используя порох из патронов.

– Думаешь, это возможно?

– Теоретически – да. Но встанет проблема, как зажечь такой боезапас в нужный момент. Капсюль ведь может от удара и не сработать. Тут нужно думать и пробовать.

– По-моему, это будет пустая трата времени, – вздохнул я и, вытерев стол, присел напротив.

– Тогда опять, что ли, будем брать очередной грузовик?

– А у нас разве есть другой вариант?

– Гм, а если в нём снова ничего ценного для нас не окажется? Тогда что будем делать? Брать третий, а потом четвёртый, пятый и так далее?

Я усмехнулся.

– Вообще-то в нашем положении для нас всё ценно: и одежда, и еда, и, конечно же, оружие.

– Но главное-то для нас именно оружие, а точнее – взрывчатка! – напомнил Сергей. – Как найти нам то, что пойдёт как гранаты – вот вопрос.

– Думаю, на этот раз нужно будет дольше следить за обнаруженными складами и стараться по маркировкам на ящиках вычислить то, что нам нужно, – сказал я и почесал макушку.

– Во всяком случае, пока именно это приходит в голову. А вообще, – потёр виски, – давай тоже на сегодня с этой темой закончим. Чего-то на самом деле перегруженный денёк получился. Башка раскалывается.

– Давай, – согласился напарник, вздохнув, – но поверь, сейчас я точно не усну – столько событий...

– Это понятно. У меня тоже в крови адреналин до сих пор бурлит. Но нужно уметь отключаться от насущных проблем. Нельзя всё время держать тело и разум в напряжении. Считается, что нервные клетки не восстанавливаются, а потому нужно начать относиться к войне не как к чрезвычайной ситуации, а как к работе – долгой, нудной, ежедневной работе. А если это работа, то после рабочего дня необходим отдых. Так что иди отдыхай, а раз спать не хочешь, то книжку почитай или послушай что-нибудь. MP3-плеером ты пользоваться умеешь.

– Наверное, так и сделаю, – кивнул Сергей и хотел было уйти.

Но я, увидев его сморщенный лоб и задумчивый вид, понял: «Не успокоится. Будет читать, думать и загоняться мыслями». И решил его остановить.

– Стой. Книгу потом считаешь, а сейчас почему бы нам не посмотреть какой-нибудь фильм, раз уж даже мультфильм так всем понравился?

– Фильм? – повернулся напарник, не дойдя до двери. – Ты думаешь, это уместно?

– В каком смысле?

– Ну... война ж идёт...

– Сергей, я же уже объяснил, что дело это не быстрое. Она не сегодня началась и не завтра закончится. Нельзя думать только об ужасах – так мы сойдём с ума. Как ни крути, а жизнь продолжается. И хочу сказать тебе, что в прошлой моей истории в эти тяжёлые времена люди никогда не теряли надежду на лучшее. Я уверен, что и в этой истории будет точно так же. Даже в годы войны снимались фильмы, писались книги, выпускались пластинки. В кинотеатрах шли кинофильмы, а на сценах театров проходили спектакли. Это было в той моей истории и есть сейчас. Что уж говорить про агитбригады, которые разъезжают по прифронтовым зонам и выступают там перед солдатами, в том числе и показывают фильмы. А всё потому, что руководство и командиры понимают – солдату нужен отдых!

– Не солдату, а красноармейцу или краснофлотцу, – поправил меня Кудрявцев.

– Ах, ну да, – кивнул я. – Слово «солдат» в вашем времени пока не используется, являясь старорежимным.

– Что значит – пока? Оно старорежимное и есть! Военнослужащие назывались солдатами – до революции! А теперь всё не так.

– Говорю ж: пока не так. В 1946 году будет приказ, и слово «солдат» вновь войдёт в обиход. Но мы отошли от темы – так что насчёт кино?

– Гм, возможно, ты и прав. – Сергей в задумчивости почесал подбородок. – Время скоротать перед сном – можно. – И тут же поинтересовался: – А про что фильм?

– Пока не решил, – пожал плечами я. – Сейчас подумаю, с каких картин лучше начать знакомить тебя с кинематографом моей эпохи. Только нужно определиться, – тут я покосился на коридор, – новых бойцов будем звать на просмотр? Или пусть отдыхают?

– Даже не знаю. С одной стороны – они устали. Но с другой – им, конечно же, тоже будет интересно посмотреть на твоё будущее.

После пары минут обсуждений – решили позвать, и я пошёл к жилым боксам.

– А это где ж будут кино показывать? – открыв дверь и выслушав моё предложение, поинтересовалась Галина Ивановна. – Там, где вы нам вчера на кампутарах показывали разные кадры?

– Нет, в другом помещении, в комнате отдыха № 2, – ответил я и пояснил: – Это та, в которой нет бильярдного и теннисного столов. Там на стене висит большой телевизор-экран. Вот на нём и будем смотреть.

Её дети, слышавшие разговор, подошли к дверному проёму и переглянулись с матерью. Маленький мальчик, очевидно, понял, о чём идёт речь. В его возрасте любой мальчишка, да и девчонка, разумеется, кино обожали. Для них это было не обыденностью, каковой кинематограф станет в будущем, а самым настоящим чудом – волшебным аттракционом. А каждый поход в кинотеатр в эти годы становился чуть ли не эпохальным событием, которое планиро-

вали заранее. И тут, конечно же, речь идёт не только о юных зрителях, но и вообще о людях всех возрастов и всех полов. В мире, в котором ещё нет телевидения, кино было не просто рядовым событием, а возможностью окунуться в нереальный мир и прожить историю вместе с героями, побывав там, где, возможно, никто из смотрящих никогда не был и не будет.

Одним словом, для человека этой эпохи кино казалось самым настоящим чудом, а потому нет ничего удивительного, что Ваня, уловив смысл разговора взрослых, тут же спросил с опаской, глядя на свою маму:

– А можно, я тоже в кино пойду? – Он поднял на Галину Ивановну страшась отказа глаза и осторожно спросил: – Или уже поздно и пора спать?

Женщина покосилась на меня.

Я пожал плечами.

– Сейчас только половина восьмого вечера. Так что, в общем-то, не так уж и поздно. – Потрепал парнишку по волосам и, улыбнувшись, произнёс: – Так что не вижу препятствий, чтобы нам всем не посмотреть какую-нибудь киношку.

А про себя подумал: «Только вот теперь надо бы понять – что именно мы будем смотреть, дабы и маленькому зрителю было интересно, и он не заскучал? Мультфильм?»

Комната отдыха представляла собой просторное помещение. У одной стены стояли два больших мягких дивана, напротив них на стене висел огромный, невиданный для сороковых годов 75-дюймовый телевизор. Перед диванами располагались несколько глубоких кресел и пара журнальных столиков из стекла и металла.

Все расселись по местам: Сергей устроился в кресле, Аня и Галина Ивановна разместились на диване, а восьмилетний Ванечка уселся прямо на ковре перед самым экраном, поджав под себя ноги.

Вставив в гнездо телевизора флешку с фильмами, я зашёл в меню и, пролистав все части серий «Хищник», «Терминатор» и «Чужой», дабы не пугать жителей убежища на ночь, остановил свой выбор на суперсериале «Ну, погоди!»

«А почему бы, собственно, и нет, – думал я, выбирая этот пункт меню. – Нарисовано всё качественно, шутки интересные, история захватывающая. Так разве это не то, что нужно в данной обстановке – разве не то, что отвлечёт от тяжёлой реальности?»

На мой взгляд, это было именно то, что надо. А потому, приняв единоличное решение, нажал на кнопку воспроизведения первой серии.

Полтора часа пролетели как один миг. Разумеется, мультфильмы понравились всем. Все смеялись, ругались на волка, замирали, злились и криками помогали зайчику убегать. Они очень переживали и жили вместе с главными героями. Причём увлеклись сюжетом все, включая младшего лейтенанта. Тот вначале, когда понял, что будет демонстрироваться не фильм, а детский мультфильм, немного поморщился, сказав, что в этот раз рассчитывал посмотреть что-то более серьёзное. Но потом втянулся, и уже вскоре (не прошло и пяти минут) он переживал историю вместе со всеми присутствующими.

После просмотра все остались очень довольны и впечатлены увиденным. Им очень понравился мультфильм, и они благодарили меня за то, что я дал им возможность увидеть столь замечательное зрелище.

– Товарищ командир! Товарищ командир! – кричал громче всех очень впечатлённый Ваня. – А ещё мультфильмы у вас есть?

– Есть. И много, – улыбнулся я. – И не только мультфильмы.

Последние слова были сказаны для улыбающегося Кудрявцева.

– Тогда давайте посмотрим ещё, – предложил он.

– Уже поздно. На сегодня – всё. Кинотеатр закрыт. А вот завтра – один обязательно посмотрим.

– Или даже два, – засмеялся Сергей.

Разумеется, собравшимся эта идея очень понравилась, и они поддержали её громогласным: «Да!»

Я не стал портить праздник и говорить, что смотреть с утра до ночи фильмы мы не можем – не только потому, что у нас есть работа и нужно откапывать заваленные помещения. Главной причиной являлась банальная экономия электроэнергии, которая нам была необходима как воздух. И это не красивое выражение, а самая настоящая правда жизни, ведь именно благодаря электроэнергии работала приточная вентиляция. Причём не только она, но и тот же телевизор, душ или обычная лампочка – для всего этого нужна была электроэнергия.

В настоящий момент всё оборудование работало от аккумуляторных батарей. Но заряд их не бесконечен, и вскоре их нужно будет подзаряжать с помощью генератора.

И вот тут возникнут две существенные проблемы. Первая – работать генератору необходимо будет только ночью и желательно в ветреную погоду, чтобы запах выхлопных газов не демаскировал наше местоположение. А вторая и более существенная – он работал на топливе, которого хоть и было сейчас у нас более-менее достаточно – половина трёхтонной бочки, но количество тоже не бесконечно. И я не знал, сможет ли устройство, преобразующее механическую энергию в электрическую, работать на местном топливе, которое, к слову сказать, нужно будет ещё каким-то образом добыть.

Подъём был в 7:30. Но это касалось только меня и Сергея.

– Пусть семейство поспит, – сказал я, встретив младшего лейтенанта в коридоре.

– Ага, натерпелись они, – кивнул тот, направляясь к умывальникам.

Однако когда я после санузла возвращался к себе, дверь в жилой бокс № 1 распахнулась, и на пороге возникла Галина Ивановна.

– Мы проснулись, – сообщила она, а потом добавила: – Доброе утро.

– Доброе утро, – ответил я и увидел сидевших на заправленных кроватях Аню и Ваню.

– А что ж так рано встали? Отдохнули бы и набирались сил.

– Так спишь – не живёшь, – ответила народной мудростью женщина.

– Это мы вас разбудили?

– Нет, что вы. Мы рано просыпаемся. Да и пса надо было выгулять.

– Понял, – кивнул я и, чуть задумавшись, произнёс: – Ну тогда что ж, всех жду через пять минут в столовой. Будем завтракать.

Там нас встретил Сергей, который к этому времени был не только одет и гладко выбрит, но и успел достать со склада некоторые продукты.

Увидев, что я пришёл не один, он на секунду смутился, но потом, поздоровавшись, спросил:

– Чем будем завтракать? Я-то вот тушёнку трофейную достал. Думал попробовать нужно.

– Тушёнку на завтрак как-то не очень, – сделал я кислую физиономию.

– Тогда что?

– Предлагаю сегодня откусать сосиски с горошком. Возражения есть? Нет? Ну тогда рассаживайтесь, а я сейчас всё приготовлю, – сказал я и достал из холодильника продукты, после чего собрался готовить.

Но тут женщины не выдержали и, поднявшись из-за стола, стали суетиться, показывая мастер-класс.

Аня, расставив посуду, открыла первую упаковку с сосисками. Галина Ивановна, налив в кастрюлю воды, поставила её на плиту (очевидно, поняв это интуитивно) и уже нарезала хлеб, про который я, к слову, забыл. А маленький Ваня, сидя на стуле, болтал ножками. В общем, дело шло, и я, поняв, что в данный момент тут просто лишний, ушёл на склад, откуда вернулся с пачкой овсяного печенья и коробкой шоколадных конфет.

Увидев это, Галина Ивановна посмотрела по сторонам.

– А самовара тут, как я понимаю, нет?

– Нет. Но есть чайник, – сказал я, налил из крана воды и нажал на кнопку.

Женщины с интересом наблюдали за моими манипуляциями. Но каково было их удивление, когда через две минуты из того послышался шум, а ещё через три повалил пар и электроприбор выключился.

– Так быстро вскипел?! – удивилась Аня, переглянувшись с матерью.

Она, как и всё семейство, сидя за столом, исподлобья нет-нет да посматривали не только по сторонам, но и на меня.

– Ага, быстро, – согласился я и поморщился. – Только электричества жрёт много.

В этот момент из коридора донёсся приглушённый лай. Шумоизоляция была хорошей, однако издаваемый собакой звук я уловил. Все остальные, впрочем, тоже.

– Вы с ним гуляли? – поинтересовался я.

– Да. Как проснулись, – сказала Аня. – Теперь днём, наверное, нужно будет выгуливать.

– Тогда чего он лает?

– Товарищ командир, – засмущавшись, произнесла Галина Ивановна, – он, наверное, есть хочет. Ведь вчера ж его толком не кормили.

– Непорядок! – покачал головой Сергей и кивнул на тушёнку. – Дадим баночку, что немцы нам преподнесли.

– Конечно, – кивнул я. – Но вообще этот вопрос нужно изучить и поставить четвероногого стража на довольствие.

Как я ранее и намеревался сделать, кормить собаку решили в помещении арсенала № 2. Для этого нужно было перенести всё оружие, распределив его в бокс Сергея и в мой. Место хватало, а собаке нужен дом.

– Да ничего, он с нами поживёт, – сказала Галина Ивановна.

Но я был другого мнения и пояснил своё видение.

– Это тогда для него нужно перегородку какую-нибудь делать. Не будет же он и есть, и спать прям на вашей кровати? У вас же он не в доме жил?

– На улице. У него будка своя была.

– Вот и здесь он должен жить отдельно. Там отныне будет его место, и ваша задача как хозяев – его к нему приучить.

Вскоре была выделена тарелка, ставшая миской, куда Аня положила тушёнку и отнесла её Шарику. Ей помог Ваня, который нёс ещё одну миску с водой.

Вскоре они вернулись, и начался чуть запоздалый совместный завтрак.

За столом витала напряжённая атмосфера. Все сидели молча, вкушая пищу, как оно часто бывает между незнакомыми людьми. Меня это немного напрягало, и я, невзирая на народную мудрость, гласившую: «Когда я ем, то глух и нем», – решил завести разговор и, ни к кому толком не обращаясь, спросил, откусывая сосиску:

– Ну, так что думаете о вчерашнем просмотре?

Пауза. Небольшое удивление.

Тишина.

Секунда. Другая. Третья...

И тут заговорили сразу все. А в особенности мальчуган.

– Ой! Я не мог! Там так волк... – говорил он, весело смеясь.

– Да о чём ты?! Там не только волк, но и вообще... – вторила своему сынишке Галина Ивановна.

– А помните, как там заяц... – перебивала их Аня.

– Да-да. Именно заяц! Заяц!! – размахивал руками Кудрявцев, давясь то ли от непрожёванного куска хлеба, то ли от смеха.

«Вот такой завтрак мне нравится!» – сказал себе я и, не забывая уплетать свою порцию, включился в обсуждение множества интересных сюжетных поворотов.

После приёма пищи день начался по плану. Я чередовал физическую работу с умственной: заряжал аккумуляторы, поднимал дрон, следил на мониторах за передвижением машин, делал записи, потом возвращался на базу, ставил аккумулятор на зарядку, а сам присоединялся к раскопкам.

Несколько раз к нам пытался присоединиться Шарик, а заодно пометить территорию. Но мы всякий раз выгоняли его в другую часть коридора, вручая его наблюдавшему в стороне Ванечке.

К слову сказать, Аня со своей мамой тоже несколько раз подходили, предлагая помочь.

– Ну что ж мы бездельничаем. Мы к земле приучены. Хоть и городские, но огород вели, – в очередной раз подойдя, сообщила Галина Ивановна.

– Ещё раз спасибо, но пока тут мы справимся и вдвоём, – сказал я и, увидев, что женщина заметно расстроилась, решил, что желание работать отбивать не следует, и предложил ей заняться кухней.

– А что с ней не так? – не поняла та.

– Да всё не так. Там ведь хозяйки нет, – улыбнулся я и покосился на стоящую рядом Аню. – Этот объект, он теперь не только наше с вами убежище, но и дом. И если у нас теперь в доме даже две хозяйки, то им и вести его.

– Конечно-конечно. Что нужно – сделаем, – закивала Галина Ивановна, а с ней и дочь.

– Вот и отлично. Тогда, думаю, в первую очередь следует заняться именно кухней и складом продуктов. Нужно сделать полный учёт, прикинуть, сколько чего есть и на сколько этого хватит при трёхразовом питании в сутки каждого из нас. Не забудьте, что нас не пятеро, а шестеро – Шарика тоже придётся учитывать. Кроме этого, необходимо при ревизии поискать журналы и записи от поваров, что ранее работали в столовой. Возможно, там есть какая-то информация по складу и по меню. Они ведь заказывали продукты не просто так, а исходя из того, что именно они собирались готовить на протяжении какого-то периода. Нам бы это очень помогло, ведь продукты наверняка доставлялись исходя из заказа, а значит, план на рацион должен был быть. – Женщины согласно кивнули, и я продолжил: – Но это ещё не всё. Необходимо заняться сбором и инвентаризацией одежды, которая осталась от прежних владельцев. И не только одежды, но и различных нужных предметов. Ничего не должно потеряться и быть не учтённым. Всё это необходимо собрать в контейнеры и рассортировать. Если при поиске находка покажется вам необычной и её предназначение непонятно, то оставляете её на месте и зовёте меня. – Женщины вновь кивнули, и я подвёл черту: – Одним словом, в нашем новом доме нужно делать всё, что делают в обычных домах. Разумеется, мы с Сергеем тоже будем помогать по мере сил, потому что дело это общее, и, делая для всех, мы делаем в том числе и для себя.

Глава 4 Решили и сделали

В полдень следующего дня я и Сергей уже были на месте новой засады. В связи с тем, что сбросов для беспилотника не было, в нынешней операции он использовался как разведчик. Ещё вчера я наметил несколько потенциальных мест на западной окраине леса, и сейчас, находясь всего в пятистах метрах от дороги, наблюдал за загрузкой одного из грузовиков, что очень вероятно должен был проехать вдоль опушки в сторону реки.

Планирование операции много времени не заняло, ибо она должна была быть в точности, как и предыдущая – спиливаем дерево, останавливаем машину, атакуем.

За движением грузовика я внимательно следил через прицел видеокамеры дрона. И хотя сам летательный аппарат для маскировки и недопущения обнаружения висел более чем в трёх километрах над землёй, я зафиксировал, что в кузов загружаются военные ящики разных размеров. И это было отрадно видеть, потому что теперь шансы на добычу гранат у нас резко возрастали.

Как и предполагалось, при виде сваленного дерева грузовик резко затормозил. На этот раз немцы, обнаружив препятствие, повели себя более слаженно, чем предыдущие, и лежащую на дороге сосну из кабины вышли убирать оба.

По команде, поступившей по радиации, Сергей открыл огонь по тому, кто был ближе к нему – по шофёру. Ну а я небольшой очередью ликвидировал фрица, вышедшего со стороны пассажира.

Забрав все документы и личные вещи, оттащили тела к канаве и закидали ветками. После этого погрузились в грузовик и проехали в чащу – к месту, где были спрятаны телеги.

Заглушили мотор, я поднял беспилотник в воздух, чтобы проверить обстановку, а Сергей, взяв монтировку, полез в кузов.

Вскоре послышался треск и звук ломающегося дерева, а потом голос напарника, подтачившего один из ящиков ближе к заднему борту, произнёс:

– Гранат нет, но зато, смотри, какие маленькие мины я тут обнаружил.

Я снял очки виртуальной реальности и посмотрел на находку. Оказалось, это мины для 50-мм миномёта Granatwerfer 36. Вес каждой был около килограмма.

– Может, они подойдут?

– Конечно подойдут! Сколько их тут? – обрадовался я.

– Мало – два ящика. В каждом десять штук.

– Точно мало! Глянь, может, ещё есть?

– Не вижу пока, – вздохнул Кудрявцев. – Но я ещё не все вскрыл. Тут вот большие ящики есть.

Он взял, покрутил в руке монтировку и продолжил работу, а я, расстроившись, вновь поднял дрон.

Обстановка оставалась спокойной. Никого рядом не нашлось, и грузовик никто не искал. Вдали по реке проплывала старая знакомая баржа, которую я уже видел несколько раз. Более ничего интересного в округе и на горизонте заметно не было. Разве что погода стала ветренее и вроде бы немного пасмурнее.

«Может быть, к вечеру дождь намечается?»

От мыслей меня отвлек голос Кудрявцева.

– Коль, смотри, тут более жирные мины есть.

Вновь стянул очки и посмотрел на новый предоставленный ящик.

– Здоровенные, ёлки-палки. И... – Он чуть замялся, а потом удивлённо прошептал: – Это ж наши мины. Смотри, тут на русском надписи.

– По всей видимости – трофейные, – предположил я.

И действительно, это оказались мины для 120-миллиметрового миномёта образца 1938 года. Точные технические характеристики данного боеприпаса я не помнил, но и без того видел, что они слишком тяжёлые для нашего беспилотника.

– «Семицветик» такое точно не потянет.

– Н-да уж... – Сергей попробовал поднять одну. – Тут килограмм пятнадцать, а то и больше.

– Наверное, так и есть.

– Но внутри много взрывчатого вещества, – задумчиво произнёс напарник, косясь на меня.

– Может, и так, но нам-то что с этого?

– Ну... можно попробовать достать и использовать...

Я удивлённо посмотрел на него.

– Ты в этом специалист? Делал когда-нибудь что-то подобное?

– Нет, но...

– Вот и я – нет! А значит, нехрен и лезть туда, куда не надо, – покачал я головой. Но младший лейтенант всё ещё пытался анализировать свою мысль, и я решил развеять эту идею окончательно. – Говорю тебе: выкинь из головы. Не сапёры мы. А значит, закончиться подобные эксперименты могут очень плохо для нас. – После чего привёл железный аргумент: – Мы не можем рисковать объектом!

Кудрявцев оторвал свой взгляд от мин и, посмотрев на меня удивлённо, произнёс:

– А мы не будем извлекать внутри бункера, сделаем это в лесу. И даже если произойдёт взрыв, ни одно из помещений не пострадает.

– Зато пострадает кто-то из нас! А мы и этого не имеем права делать. Подумай сам, что будет, если один из нас погибнет. Что будет с убежищем? Что будет с женщинами и ребёнком? Кто о них позаботится?

– Так кто-то же из нас будет жив, – попытался парировать напарник.

Но меня он не убедил.

– И что этот один будет делать? – спросил я и, не дав тому ответить, продолжил задавать неудобные вопросы: – Как этот выживший будет грузовики немецкие потрошить? Одной рукой беспилотником рулить, другой рукой из автомата стрелять, а третьей ящики вскрывать? Мы не осьминоги, и такое нам неподвластно! Так что с выбыванием одного из нас эффективность операций сразу же уменьшится в разы! Да и опасно будет одному в рейд выходить. Или, – тут я усмехнулся, – мы Галину Ивановну в диверсанты записывать будем. А может быть, Анюту или вообще Ванечку?

– Ты ещё про Шарика забыл, – вздохнул разведчик, а потом и согласился. – Ты прав – сапёров мы собой подменять не будем. – Он аккуратно вскрыл ещё один ящик, в котором тоже оказались большие мины, и проскрежетал: – Эх, жаль, что меня на радиста учили в пешке, а не по диверсиям.

Мне же этого было совершенно не жаль. Сама идея открывать мину или снаряд казалась мне попросту безумной. И пусть даже в ней не было детонатора и тому подобного взрывателя, тем не менее сама мысль об этом непроизвольно бросала в дрожь.

Пока я следил за обстановкой вокруг, Сергей вскрыл большую часть ящиков и сообщил, что необходимых нам гранат нет. В кузове, кроме мин, оказались ящики с патронами и несколько ящиков с новенькими пистолет-пулемётами МР-40.

После недолгого совещания занялись погрузкой выбранных образцов на телеги.

Два ящика маленьких мин, ящик с детонаторами для них, ящик с десятью МР-40 и ящик с патронами. Это было всё, что мы могли позволить себе увезти.

Как управились, Сергей собрался было сесть за руль, но я его остановил:

– Слушай, у меня появилась идея. А может, давай эти ящики с большими минами спрячем где-нибудь. Вдруг пригодятся.

– Каким образом? Ты же не хочешь их пилить?!

– Не хочу, но я вот тут подумал, что вдруг мы с партизанами контакт найдём. И у них может быть тот, кто разбирается в сапёрном деле. Тогда-то они нам и пригодятся.

– Гм, – задумчиво произнёс Кудрявцев, а потом, чуть помедлив, согласился. – Давай. Разгрузить боезапас недолго, а пока я буду грузовик отгонять, ты их замаскируешь.

Так и решили сделать. Неподалёку нашли подходящий овраг и выгрузили двадцать четыре ящика, в каждом из которых было по две мины, а также два ящика с детонаторами для них.

Сергей уехал, сказав, что вернётся не ранее чем часа через два, потому что намеревался увезти грузовик куда подальше, а я поднял беспилотник и проверил связь по рации.

Как только мой напарник бросил машину у болота в семи километрах от места, где я находился, я, подтвердив направление, посадил дрон и, взяв в руки лопату, принялся за дело.

Каждые пять-семь минут я поднимал БПЛА, осматривал обстановку, корректировал движение товарища и вновь возвращался к работе. Земля в овраге оказалась мягкой, и копать было не так сложно, тем более что глубину я делал всего на два штыка.

Через три часа блужданий по лесу вернулся Кудрявцев, помог мне спрятать последние ящики. Мы как могли замаскировали место схрона прошлогодней листвой и, взяв тачки, выдвинулись на базу.

Вернулись домой только в десять вечера. Грязные, уставшие, но в общем-то довольные. Результаты операции, конечно, оказались скромными, и ещё предстояло проверить, будут ли срабатывать мины при сбросе, но всё же это хоть что-то, и с этим можно было работать.

Мины уложили в одной части входного коридора, а детонаторы – в другой.

Женщины встретили нас с явной долей радости и облегчения, как и мальчуган.

– Товарищи красные командиры, а где вы были? Я по вам скучал, – подбежал он к нам, когда мы вошли на объект. – Вы на войне были?

– Нет. Что ты, – отмахнулся я. – Просто по лесу гуляли.

– А почему грязные?

– Потому что дождик там собирается. К вечеру роса выпала. Да к тому же болота рядом. Вот и испачкались.

– Нельзя пачкаться! – погрозил он пальцем и, вероятно, вспомнив, что ему говорит на этот счёт мать, добавил: – На вас мыла не напасёшься.

Мы засмеялись и, пообещав, что больше не будем, направились приводить себя в порядок.

Сидя в столовой за накрытым столом, в общих чертах рассказали семейству об операции, разумеется, не вдаваясь в подробности. Да, собственно, никто об этих подробностях и не спрашивал. Галина Ивановна и Аня и так всё понимали, а мальчишке, с аппетитом уплетающему одной рукой котлеты с макаронами, а другой играющему в фигурки «Лего», что я нашёл в одной из тумбочек, было не до разговоров взрослых.

Заметив, что женщины, хоть и пытаюсь скрыть, налегают на еду, поинтересовался:

– А вы-то не обедали, что ль?

Галина Ивановна культурно кашлянула и произнесла:

– Мы вас ждали, – а потом, чуть засмущавшись, добавила: – По печеню вот из этой вазочки съели, и всё.

– Да вы что? – нахмурил брови я. – Так нельзя. Мало ли где мы и сколько будем бродить – обед для бойца всегда должен быть по расписанию. – И обратился за поддержкой к товарищу: – Правильно я говорю, товарищ младший лейтенант?

– Так и есть! – поддержал меня Сергей и добавил: – Тем более у вас маленький ребёнок. Зачем его мучить?

– Нам просто было неудобно, – негромко пояснила Аня, опутив глаза.

– Глупости! – отрезал я и повторил: – Глупости! В лесу с нами всё что угодно может случиться. Мы можем вообще через пару дней только вернуться. Так вы что ж, всё это время голодать будете? – Семейство молчало, и я перешёл к решительным действиям, повысив тон.

– А всё это потому, что мой приказ не выполнен!

– Какой? – подняла глаза Галина Ивановна.

– А тот, в котором говорилось о расписании употребления пищи! Завтрак! Обед! Для ребёнка и женщин – полдник! И ужин!

– Так это, всё ж готово, – вскочила она и убежала на склад, откуда почти сразу же вернулась с исписанными ручкой листами в руках. – Вот, мы уже часть ревизии произвели и на неделю даже расписание составили, как вы и сказали: завтрак, обед и ужин. Вот.

– Отлично! – смягчился якобы разгневанный я, играя то в злого, то в доброго «полицейского». – Добавьте, как я и сказал, ещё полдник для женщин и детей. – И, видя, что она начала крутить головой в поисках карандаша или пишущей ручки, добавил: – Но не сейчас, а после приёма пищи.

Глянул на листы, что передала мне женщина, и, отметив недостаточно разборчивый почерк, уточнил:

– Анна говорила, что вы учительницей в школе работали?

– Да, по русскому языку и литературе.

– Понятно, – кивнул я, отмечая, что у учителей и медработников почерк сравним с шифровкой, которую может понять только человек из их сферы.

«Нужно будет её на компьютере научить печатать, а тут чёрт ногу сломит. Пока расшифруешь, что написано, не один месяц пройдёт», – вздохнул я, но говорить вслух об этом не стал, а, пробежав те строчки, что сумел прочитать, кивнул:

– Спасибо! Хорошая работа, но расписание приёма пищи и меню на каждый день лучше писать на отдельном листе и вывешивать, скажем... – Я огляделся и добавил: – Например, на дверь. – После чего улыбнулся. – Тогда все будут знать, что их ждёт вкусенького, и уж точно не пропустят время принятия пищи.

Отдавая столь, казалось бы, странный и не совсем необходимый приказ, я преследовал две цели: хотел, чтобы все жители нашего убежища считали себя деталями одного слаженного механизма, и очень хотел, чтобы всё и все были подчинены дисциплине. В нашей ситуации не должно быть расхлябанности. Каждому из нас необходима твёрдая опора – незыблемый ориентир. Если бы наша база находилась на поверхности, то этим ориентиром служили бы смена дня и ночи, восход и закат солнца, в конце концов – ветер, дождь и звёздное небо над головой. Мы же всего этого фактически были лишены. Тут, в полутьме, которая связана с экономией электричества, у нас не имелось точки той самой необходимой опоры. И поэтому опорой этой должно стать чёткое расписание. Все и каждый должны чётко знать и быть уверены, что в восемь утра у нас завтрак. Что в двенадцать дня будет обед. А в семь вечера обязательно настанет время ужина.

Ещё раз поблагодарил женщин за работу и за вкусную пищу, после чего поинтересовался:

– Так кто чем сейчас собирается заниматься?

Все переглянулись и уставились на меня.

– Кажется, у тебя есть предложение? – спросила Аня.

– Есть, – кивнул я и спросил: – Если есть желание, можно опять организовать просмотр фильма.

– Отличная идея!

– Ура, мультфильмы! – обрадовался мальчишка, оторвавшись от игры.

– А может быть, всё же фильм? – негромко произнёс Сергей, а потом, покосившись на мальчика, добавил: – Только такой, чтобы и парню понравился.

– У тебя такой в библиотеке есть? – спросила Аня.

– Найдём, – пообещал я, прикидывая в уме, что именно лучше всего будет показать.

Старинный фильм-сказка 1956 года «Илья Муромец» всем очень понравился. Он был не только хорошо снят, в нём не только много красивых песен, но и есть актуальный для этих времён смысл. Что в фильме, что в реальности враги нападали на Русь. И неважно, как государство в какие времена называлось, будь то Русь, Московское царство, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик или Российская Федерация – для врагов это всегда была Россия, и они ненавидели и ненавидят нашу прекрасную родину всегда. Что тут, что там, нам всем была приготовлена одна участь – рабство и уничтожение.

И этот тайный смысл картины уловили все, даже маленький Ванечка, который, радуясь, что наши победили неприятеля, посмотрев на нас с Сергеем, весело произнёс:

– А партизаны тоже как богатыри, потому что вы сильные!

Мы все засмеялись, а Сергей поправил мальчика:

– Не «вы», а «мы». Ведь ты тоже партизан, а значит, тоже богатырь!

– Только я ещё маленький, – кивнул тот.

– Ну так это не беда – вырастешь, – сказал я и обратился ко всем: – Ну что, дорогие мои, на этом предлагаю сеанс закончить и разойтись для отдыха.

– Дядь Коль, а завтра кино будет? – спросил мальчуган.

– Обязательно. Это у нас теперь традиция, – пообещал я и, выключив в целях экономии монитор, кивнул Сергею. – Ну а мы пошли работать.

– Куда? – не поняла Анна, подойдя ближе.

– Э-э, да поработать ещё немного нужно. А вы спать ложитесь.

– Как поработать? Сейчас? – подошла к нам Галина Ивановна. – Так ночь же уже скоро. В лесу же темно.

– Так нам и надо, чтобы темно было, – улыбнулся я.

А Сергей, ехидно ощерившись, добавил:

– Сейчас мы гитлеровцам своё кино покажем. Да такое, что головы их поганые, как у того Змея Горыныча, враз отлетят!

Глава 5А почему бы и нет?

Идея того, что беспокоящие бомбардировки, пусть и небольшие, нужно проводить ежедневно, возникла сама собой. На данном этапе для нас был важен даже не сам факт, что мы можем или не можем наносить серьёзный урон противнику, а совсем другое. Пока достаточно было самого осознания, что мы не находимся вне войны, играя в затворников, прячущихся от дневного света и боящихся выйти лишний раз наружу. Каждый житель объекта должен был знать, что мы не просто выживаем, а ежедневно сражаемся, несмотря ни на что. И данное знание в нашей ситуации было архиполезно, ибо оно, без сомнения, должно было поднять боевой дух членов отряда на высокий уровень!

А потому сейчас мыслями я был уже на предстоящей операции.

Анна удивлённо посмотрела на нас и, увидев, что мы не шутим, негромко переспросила:

– Вы что, и вправду собираетесь опять на них напасть? Сейчас?

Я решил, что ничего секретного в том, что скажу, нет, ведь она в том числе тоже являлась членом отряда, и кивнул.

– Ну да.

– Всё равно – не понимаю. Уже ночное время суток, и ходить по лесу опасно! Тут же болото рядом!

– Так мы не из чащи атаковать будем, а фактически от выхода из бункера.

– Оттуда? – она удивлённо показала рукой в направлении коридора.

– Ну да, – вновь подтвердил я и, чтобы предупредить возможные вопросы, пояснил: – У меня видеокамеры с датчиками стоят вокруг всей территории. Они никого чужого не обнаружили. Так что поблизости нет ни одной живой души. Поэтому и проблем не предвидится. Кроме того, при запуске буду использовать тепловизор, с которым сможем увидеть всё, несмотря на кромешный мрак, так что волноваться не следует – наше убежище никто не обнаружит, и мы в безопасности.

Женщины переглянулись, и Галина Ивановна аккуратно спросила:

– Николай, а можно мы посмотрим, как это будет происходить?

На этот раз переглянулись мы с Сергеем. Тот пожал плечами, и я, чуть подумав и решив, что ничего в этом такого нет, согласно кивнул:

– Да. – Но затем сразу же добавил: – Только при запуске вы присутствовать не будете – это всё же опасно.

– Тогда как мы увидим, как вы на врагов бомбы кидать будете? – поинтересовалась Аня, а потом, не дав мне ответить, тут же сказала, догадавшись: – Через этот – через монитор?

– Точно, – кивнул я. – Я вам трансляцию сделаю в компьютерную комнату, и там вы всё увидите.

В предстоящей операции роли у всех нас были распределены. Помня о том, что беспилотником Сергей управляет, мягко говоря, совсем не очень, пилотированием занимался я. Младший лейтенант же должен был, находясь в пяти метрах от входного шлюза, снаряжать мины детонатором и закреплять их в держатели, согласовывая свои действия со мной.

Я же находился в самом коридоре, установив там не только стул и стол, но и проведя туда необходимые коммуникации.

Из-за того, что новый дрон с шестью подвесами я пока что не собрал, предполагалось, что в операции будет задействован только «Семицветик». У данной модели тех самых подвесов было всего два, а значит, за один вылет он мог совершить только два сброса.

Вес используемых нами мин был приблизительно по килограмму у каждой, следовательно, две штуки беспилотник мог поднять без каких-либо усилий.

Для того чтобы Кудрявцев видел, что происходит в небе и на земле, установил и для него небольшой переносной монитор, который давал изображение с камеры БПЛА.

А чтобы дополнительно обезопасить себя, атаковать цели было решено на максимально дальней от нас дистанции. Впрочем, этот первый вылет, по сути, должен стать пробным. Сейчас беспилотник нёс на подвесе мины, а не гранаты, и мы не знали, насколько эффективны они окажутся при применении. Более того, нам было совершенно непонятно – сможет ли мина сдетонировать при касании с землёй, ведь мы выпустим её не из миномёта.

По идее – должна. Но как получится в реальности, мы должны узнать в самое ближайшее время.

Через пятнадцать минут дрон достиг города Сагровск. Из-за тёмного времени суток я спустил его до высоты в полкилометра от земли, не опасаясь, что он будет кем-то замечен.

– С чего начнём? – спросил я, осматривая городские постройки.

Сергей недовольно буркнул:

– Как дилетанты работаем.

– Это почему? – удивился я, сняв очки.

– А потому что перед бомбардировкой даже цели не отметили, – вполне логично аргументировал он и напомнил: – Вначале разведка, а потом атака! Это закон войны.

– А, – отмахнулся я. – Этот закон применим в том случае, если мы занимаемся какой-то определённой операцией. В нашем же случае – цель у нас проста – беспокоящим огнём вызвать панику в рядах противника. Так что, считай, цели у нас нет.

– Вот я и говорю, что нет, – по-своему понял тот, а потом хмыкнул. – Однако, с другой стороны, у нас же что-то вроде эксперимента – экспериментальное бомбометание.

– Именно! Но хочу напомнить, что дальность предельная. Время идёт, и заряд аккумулятора не вечен. Поэтому давай определяться. Хлопаем пару каких-нибудь военных машин фрицев? Или есть какие-то другие предложения или предпочтения?

– Сейчас вечер, и они все пустые. Если хлопать, как ты говоришь, то лучше по командирскому составу. Ты такие машины видишь? Поверни камеру.

– Ну у вас и запросы, – крикнул я и не спеша сделал обзор на 360 градусов.

Через полминуты наблюдения Кудрявцев констатировал очевидное:

– Что-то никто не катается по ночам.

– Ага, – согласился я и показал рукой на экран, – но жизнь в городе кипит.

И действительно, в городе было несколько домов, в окнах которых горел свет, несмотря на затемнение.

– Полетели, посмотрим, – предложил Сергей.

Но я и сам уже это понял, увеличив изображение и направляя дрон к одному из открытых дверных проёмов.

И когда картинка приблизилась, Кудрявцев закричал:

– Смотри – это то, что надо! – А потом добавил: – Курят, пьяные гады! Глуши их!

Разумеется, ни я, ни он не собирались скидывать смертельный груз на трёх стоящих в дверях трактира офицеров вермахта за то, что они были пьяны и курили. Это было плохо, отвратительно, но в данном конкретном случае смертельным грехом не являлось. А вот находиться на территории СССР в частях захватнической армии считалось тягчайшим преступлением, за которое могло быть и было только одно наказание – смерть. И данный приговор тут же исполнила прилетевшая к ним с небес на грешные головы противопехотная мина.

Когда дым рассеялся, Кудрявцев, находящийся под впечатлением, предложил искать ещё цели, но я его остановил.

– Ты же видишь сквозь разбитые стёкла, что там пока много врагов осталось. Кто-нибудь обязательно вылезет посмотреть на своих мёртвых камрадов.

– Но сейчас уже заряд кончится, и дрон надо будет отправлять назад. А мы ещё цель не нашли, – запереживал боевой товарищ, показывая на шкалу заряда аккумулятора, где значилось, что того самого заряда осталось всего тридцать процентов.

– Вижу, – кивнул я и, увидев подбежавший к воронке немецкий патруль, нажав на кнопку сброса, добавил:

– Я ж говорил: цель сама нас нашла.

Очередной «бах» разнёсся над городом и однозначно объявил, что партизанское движение в этом районе начало действовать.

Вернули дрон, когда заряда у него осталось менее пяти процентов.

– Это опасно, – прокомментировал я, снимая аккумулятор. – Потеря птички для нас недопустима – без неё мы как без рук.

– А я говорил тебе, перед вылетом цели должны быть намечены! – напомнил Сергей.

– Или они должны быть ближе – всё-таки двадцать три километра для данной модели – это до фи́га.

– Ну или так, – согласился со мной младший лейтенант и спросил: – Второй вылет со вторым аккумулятором будем осуществлять? Он же заряжен.

Я подумал пару секунд и спросил:

– Может, лучше завязать на сегодня и продолжить завтра?

– Почему? – не понял тот.

– Ну, во-первых, как ты прекрасно знаешь, мин у нас совсем мало. И раз мы собрались сделать немцев нервными, то лучше растягивать это удовольствие. После этого бомбометания всего восемнадцать сбросов осталось. А значит – если по две штуки в день использовать, то на девять дней хватит. Потом опять придётся боезапас искать, то есть опять подвергать себя опасности.

– А во-вторых?

– Да что-то как-то неприятно на душе от вида всего этого... слишком уж камеру приблизил...

Кудрявцев нахмурился, а потом негромко сказал:

– Но это же враги!

– Так-то оно так, только мне – сугубо гражданскому человеку – от этого не легче.

Напарник постоял пару секунд словно бы в нерешительности, потом кивнул, принимая мои доводы и, подойдя, постучав по плечу, произнёс:

– Ты молодец! Всё правильно говоришь.

Убрав дрон и закрыв дверь, вернулись в бункер.

Не нужно было ни у кого ничего спрашивать, чтобы понять, что женщины, продолжавшие сидеть в компьютерной комнате перед мониторами, находились в шоке.

Когда мы вошли, сидевшая с закрытыми глазами Аня даже не посмотрела на меня, а её мать прошептала:

– Коленька, какое это страшное оружие! Вот так просто... Вот так просто...

Я не стал говорить, что на самом деле не так уж и просто. Но понимал, что имеет в виду она совсем другое...

Сейчас, когда они увидели страшные кадры, мне как командиру нужно было что-то сказать... найти какие-то слова, чтобы хоть как-то успокоить...

Но увы, в голову совсем ничего подходящего не приходило.

И тогда на помощь пришёл Кудрявцев.

– А вы их не жалеете, Галина Ивановна! И ты, Аня, их не жалеешь, – грозно повысил голос он. – Вспомните, что эти нелюди сделали с вашим городом, вашей деревней и со многими городами страны! Вспомните, что, пока вы их жалеете, они наших пленных пытаются, они издеваются и убивают! И детей убивают! Они твари, над ними эксперименты делают! Посмотрите,

что они творят. В библиотеке – он показал рукой в сторону комнаты отдыха. – Там есть книги о многих их зверствах! Это не люди, а фашисты! И нечего их жалеть! Понятно? Нечего!

Слова его были правильными, искренними. Да и, по сути, не жалели мы немцев. Они действительно были самыми настоящими врагами и убийцами.

Просто мы были людьми, а людям – нормальным людям – никогда не будет приятно уничтожать себе подобных. Так заложено в психике, и ничего с этим не поделаешь.

Но мы должны были пройти через испытание и переломить себя. Сергей полностью прав – те, кто пришёл нас убить, не заслуживают пощады и сами должны умереть!

Не было сомнений, что нам будет тяжело. Не было сомнений, что не так просто нам будет перестроить свою психику и стать на военные рельсы.

Но ведь понятно, что у нас – у гражданских людей – нет другого варианта. Жизнь не оставила нам выбора, кроме как всеми силами защищаться и бить врага. Ведь если мы не уничтожим их, они уничтожат нас. Всех нас, ибо разработанный штабом Гитлера план «Ост» не предполагал наличия такого количества «лишнего» населения на оккупированных территориях!

И я, взяв себя в руки, рассказал об этом членам отряда.

– Мы должны изгнать гитлеровцев с нашей земли! И обязательно сделаем это! Они не оставили нам выбора, а значит, должны умереть.

Галина Ивановна поднялась, подошла ближе и, обняв меня и Сергея, заплакала:

– Я хотела сказать, что это оружие хоть и страшное, но справедливое! Так им, гадам ползучим, и надо! Они дядю Мишу и его семью расстреляли ни за что! И город наш бомбили! И другие города бомбили! Родненькие, убейте их всех!

Глава 6 Не всегда находка полезна

Перед тем как нам разойтись по своим жилым помещениям, ко мне подошла Анна и спросила:

– Завтра вечером опять будете бомбить немца?

– Думаю – да, – кивнул я. – Пару «гостинцев» обязательно отправим.

– Поняла, – кивнула она и, чуть помявшись, произнесла: – Николай, вы ведь всё равно наружу выходите, когда этот самолётик запускаете, так, может быть, мы в это время можем хотя бы у выхода постоять?

Я удивлённо посмотрел на неё, собираясь задать логичный вопрос «Зачем?», но она, не дав мне это сделать, продолжила: – Просто Ванечка, он непривычный. Всё спрашивает и спрашивает, когда на улицу выйдем. Я ему говорю, что это пока нельзя, а он спрашивает, когда будет можно. К вам не подходит – стесняется. А нас с мамой спрашивает.

– Гм, ну да, ребёнок, – хмыкнул я, задумавшись.

В принципе, подобное желание от восьмилетнего мальчишки вполне ожидаемо. Однако не всё было так просто. Мы тут не прохлаждались, а скрывались в тылу врага, причём начав вести вооружённую борьбу. Из этого следовало, что любая демаскировка объекта автоматически означала нашу гибель.

Но, с другой стороны, мы ведь действительно всё равно выходили наружу во время операции. И выходили мы не на авось, а после тщательного осмотра прилегающих территорий через камеры видеонаблюдения. Более того, перед непосредственным началом выполнения миссии я пролетал дроном по кругу с включённым тепловизором, стремясь обнаружить потенциального врага. И если в камеру его не было видно, то из этого следовал очевидный вывод: врага рядом нет. Более того, быстро и неожиданно он и не мог тут появиться, ведь на данном этапе развития технического прогресса подобных опасных для нас беспилотников, у противника попросту не было. Да и не просто не было – их инженеры с огромной долей вероятности даже не могли помыслить, что такая миниатюрная технология вообще может существовать в их мире.

Следовательно, по сути, небольшой, кратковременный выход в лес, чтобы подышать чистым воздухом, ничем серьёзным нам не грозил, ведь как только камеры наблюдения заметят подозрительное движение, они сообщат об этом, и мы сразу же скроемся внутри.

Мысленно прикинув все за и против, я решил, что ничего страшного в том, что люди постоят на природе минут 10–15 перед сном, нет, и сказал:

– Договорились. Только выйдете вы после завершения атаки. Во время операции к дрону будут подвешиваться мины, и ваше присутствие в тот момент недопустимо – это опасно.

Следующий день встретил нас непогодой. В общем-то, этого следовало ожидать. Ещё с вечера ветер нагонял тучи. Утро выдалось дождливым.

– В дождь ведь нельзя летать? – то ли спросил, то ли сказал встретивший меня Кудрявцев, когда я шёл в столовую.

Он, собственно, и сообщил мне об осадках, увидев на мониторе транслирующуюся с видеокамер картинку.

– Как правило – нет, – ответил я и, увидев, что напарник явно расстроился, тут же добавил: – Но не в нашем варианте. У нашего беспилотника корпус загерметизирован, ведь он проектировался как всепогодный дрон. Так что, думаю, всё в силе.

– Отлично! – радостно воскликнул младший лейтенант. – Тогда, может, не будем до вечера ждать, а прямо сейчас начнём работать? Там на улице всё небо в облаках и темным-темно.

Я задумался над целесообразностью такого подхода, а потом хмыкнул: «А почему бы и нет? Пусть не только ночи бояться, но и дня, раз уж погода позволяет».

Посмотрел на горящего энтузиазмом напарника и, уже поняв его намерение, на всякий случай уточнил:

– Ты чего, хочешь начать операцию прямо сейчас – перед завтраком?

– Ну да – а чего ждать? Давай атакуем гадов и уже потом поедем? – по-простецки ответил тот.

– Н-да, энтузиазм – это дело такое, – вздохнул я и направился к зарядным устройствам.

Подготовка заняла немного времени, и уже через полчаса найденная цель была подвергнута бомбардировке не только каплями дождя, но и прилетевшим неведь откуда «чугунным гостинцем».

Промахнуться по идущей по реке барже сложно. И обе мины хорошо легли в рубку и в стоящие на корме ящики, вызвав пожар.

Ошалевшие выжившие немецкие матросы так и не смогли понять, что произошло: они, крутя головами по сторонам, пытались выявить противника.

Но ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади, естественно, никого обнаружить им не удалось. Как и в хмуром небе, потому что «Семицветик», скинув свой смертоносный груз, уже давно скрылся в тяжёлых низких облаках и направлялся на базу.

Однако так просто долететь до места посадки не получилось. И всё из-за того, что Сергей аккуратно толкнул меня в плечо.

– Коль, смотри, там вроде бы у нами спрятанного трофейного грузовика какие-то люди ходят.

Я сразу же остановил движение дрона, сориентировался и, повернув камеру, навёл её на то место, куда показывал напарник.

И действительно, немцам наконец удалось обнаружить пропажу. Стоящие рядом «Ханомаг» и два «Опеля» говорили о том, что сюда прибыло немало нечисти.

Приблизившись, увидел около трёх десятков солдат, которые осматривали окрестности вокруг грузовика, и трёх командовавших ими немецких офицеров.

Собственно, в том, что противник наконец нашёл пропажу, ничего удивительного не было. Несмотря на то что спрятали мы грузовик хорошо и вдалеке от деревень, по теории вероятности его рано или поздно всё же обнаружили бы.

Удивительно и неприятно оказалось другое – я собирался перекусить после обработки баржи, а затем, уединившись в лаборатории, продолжить сборку второго беспилотника. Но теперь все планы приходилось в экстренном порядке менять.

Мы просто не могли – не имели права – проигнорировать столь «вкусные» цели.

«Вы пришли найти нас? Так мы вас уже нашли», – подумал я, моментально отдав команду Сергею срочно готовить боезапас и заряженный аккумулятор.

Столь желанный перекус откладывался как минимум на полчаса.

Первым заходом уничтожил так мило беседовавших под деревом офицеров вермахта. Они стояли рядом друг с другом, и мина, упавшая им под ноги, не оставила шанса на спасение. После взрыва взвод солдат залёг и попрятался кто где: кто за деревьями, кто за машинами, кто и за бронетранспортёром. Попытался выявить противника. Вот по «Ханомагу», за которым пряталось то ли четверо, то ли пятеро фрицев, и прилетела вторая мина.

Оставив охреневших рядовых в полной прострации и попытках понять, какого хрена тут творится, вернул дрон на базу, быстро его перевооружил и вторым заходом уничтожил ещё два транспорта: два получили прямое попадание, а третий был повреждён осколками и загорелся.

На почти издохшем аккумуляторе вернул дрон на базу и задумчиво произнёс:

– Слушай, если мы в таком количестве будем расходовать боезапас, то за пару дней он у нас иссякнет.

– Ага, – согласился Сергей. – И тогда нам придётся вновь добывать трофеи. Благо теперь мы знаем, какие именно ящики нам нужны.

– Не совсем так. Это мы про мины знаем, а вот как должен выглядеть ящик с гранатами, пока непонятно. В литературе и в файлах картинки найти не удалось, а трофейного образца у нас пока нет.

– Кто ищет, тот всегда найдёт, – заноса дрон в коридор, оптимистично заметил напарник.

– Согласен, но только с немецкими гранатами, если мы их, конечно, сумеем добыть, будут проблемы, – вспомнил я неприятный момент, закрывая дверь, и, увидев удивлённый взгляд напарника, пояснил: – У тех «колотушек», что стоят на вооружении вермахта, нет чеки. Там вроде бы нужно колпачок откручивать, а потом за верёвку дёргать. Следовательно, тот механизм сброса, который я применял для использования «лимонок», не подойдёт. Нужно придумывать что-то иное.

– Придумаем, – махнул рукой Сергей. – Нам бы их добыть поскорее, да побольше. – Он кивнул на дверь. – Смотри, сколько мы с тобой дел сделали и сколько противников уничтожили. И даже часа не прошло! Ты представляешь, что бы мы смогли творить, если мин или гранат (неважно) у нас было бы в разы больше?!

Отвечать я не стал. Оно и так понятно, что немчуре в радиусе двадцати-тридцати километров от нас стало бы совсем не сладко.

Но увы, всё это пока мечты – к сожалению, боезапас у нас был крайне ограничен.

В столовой нас ждал не только вкусный завтрак, но и слова признательности от женщин, которые благодарили нас за проделанную работу.

Они вновь смотрели прямую трансляцию на мониторе, что висел на стене напротив обеденного стола, и восхищались уничтожением такого большого количества врагов за столь короткое время.

Разумеется, нам это было приятно услышать, но всё же настроение и у меня, и у Сергея оставалось не совсем праздничным.

А всё из-за того, что мы, зная о наших возможностях, не могли полностью их реализовать! Проклятый дефицит взрывчатки не давал нам возможности эксплуатировать дрон на полную мощность.

Мы, молча принимая пищу, думали, как решить эту сложную проблему если не раз и навсегда, то хотя бы запастись боезапасом вдоволь.

В народе есть пословица: «Если долго мучиться, что-нибудь получится». А потому нет ничего удивительного в том, что вскоре произошло всё в соответствии с этой мудростью.

Когда с порциями овсянки и бутербродами было покончено, Сергей произнёс:

– Коль, а что, если нам взять пленного?

Меня его вопрос не только вывел из раздумий, но и очень удивил.

И я своё недоумение озвучил одним ёмким словом:

– На хрена?

– Я имею в виду – не просто абы какого пленного, а того, кто знает, что находится на складе, – пояснил разведчик.

– Речь идёт об офицере снабжения – интенданте?

– Да, – кивнул тот.

Я прикинул все за и против и поморщился.

– Как мы его в плен-то возьмём? Он же по полям и лесам не шляется. Да и если будет шляться (по какой-то невиданной случайности), то вряд ли один. Особенно теперь, когда мы шушер подняли в округе.

Напарник нахмурился, а потом согласно кивнул.

– Ты прав, – сказал он и вздохнул. – Просто это был бы выход. Чем потрошить грузовики, которые ездят с непонятным нам грузом, мы могли бы знать, что в каком, когда и куда тот поедет. Но согласен, интенданта так просто достать не получится.

– Ага. Подобная операция по захвату столь ценной фигуры явно не для нас двоих, – подтвердил я, и тут же мне в голову пришла интересная мысль. Она была настолько неожиданной, что я даже растерялся и не смог её сразу сформулировать. А лишь произнёс: – Если только...

– Что? – тут же переспросил Кудрявцев, словно поняв, что я нащупал что-то интересное.

И я его ожидания не подвёл, выдав:

– Если только нам провести эту операцию без участия пленного интенданта. И вообще никого не пленить.

Ранее обрадовавшийся тому, что я могу предложить что-то действительно стоящее, Сергей аж растерялся и удивлённо на меня уставился.

– Ты что имеешь в виду? Ты меня совсем запутал.

– А то, что на хрен нам не нужен шляющийся по лесам интендант! – Я вскочил и с криком «Сейчас!» убежал в компьютерную комнату. Там схватил с тумбочки трофейные немецкие документы и, вернувшись назад, положил на стол нужный лист. – Вот!

– Что это? – продолжил не понимать моего замысла Сергей.

– Накладная на получение провианта и оружия, – пояснил я. – И это наш стопроцентный шанс получить всё необходимое.

– Всё равно не понимаю!

– А между тем всё в высшей степени просто – я подделаю накладную, и мы сможем получить и мины, и гранаты!

– Гм, а ты сможешь такое сделать? – рассматривая документ, с сомнением в голосе произнёс Сергей, после чего, подняв на меня глаза, прищурившись, спросил: – Ты что, в своём времени фальшивомонетчиком был?

– Я – нет. И без нужных технических устройств сделать бы то, что предлагаю, точно не смог. Но так как у меня есть два друга, то, думаю, я справлюсь.

– Друга? Это кого? Ты имей в виду, что я рисую очень плохо.

– Да тебе это и не придётся делать. Я других друзей имею в виду! Одного зовут «Фото-шоп», а другого принтер/сканер. Так что, думаю, с этой задачей мы сможем справиться.

Глава 7 Неожиданная весть

И получаса не прошло, как старая накладная была изменена и теперь говорила о том, что мы должны получить не только пятьдесят ящичков маленьких мин, но и тридцать ящичков гранат. В связи с тем, что я не знал, какие именно изделия могут оказаться на немецком складе, решил указать два наиболее распространённых вида. Разумеется, в обстоятельствах, когда у нас дичайшая нехватка боеприпаса, можно было вписать и больше. Вот только сомневался я, что такое количество влезет в не столь обширный кузов стандартного грузовика.

Протянул «липу» напарнику и поинтересовался:

– Ну, как тебе?

Тот осмотрел листок, покрутил его в руках и хмыкнул:

– Так это ж старая!

– Старая. С новой не получилось.

– Почему? Могу чем-то помочь?

– Тут не поможешь, – поморщился я и стал пояснять: – Сам текст и шрифт подобрать не проблема. Как и нарисовать правдоподобную печать. А вот подходящей под накладную бумаги у нас в наличии нет. Те листы формата А-4, что лежат в копире, слишком уж белые. А те, которые в ящиках нашёл, вообще глянцевого. Такое точно не подойдёт. Нужна серая, рыхлая, не слишком качественная, казённая бумага, которой у нас в наличии нет.

– Тогда что, всё отменяем? – явно расстроившись, спросил разведчик.

– Нет. Я переделал старую накладную, которая у тебя в руках. Думаю, что она выглядит вполне приемлемо.

– А ты что, её как-то умудрился переделать? – он посмотрел на лист бумаги, словно бы впервые его видел и стал присматриваться. После чего удивлённо спросил: – Как тебе это удалось?

– Кое-что стёр лезвием, а потом с помощью принтера другое название вписал. Если хорошенько приглядеться, то, конечно, подмену заметить можно, вот только не нужно нам, чтобы кладовщик столь тщательно проверял бумагу. Поэтому думаю, имеет смысл приехать в тот момент, когда интендант будет либо уставший, либо вообще сонный.

– То есть – самое раннее утро? – догадался о моём плане Сергей.

– Именно так, – кивнул я и, посмотрев на напарника, сказал: – Только теперь бы надо понять, как лучше нам всё это проверить.

– А разве есть варианты? Захватим грузовик, ликвидируем солдат, я переоденусь и поеду получать. Ты будешь меня прикрывать беспилотником и вести разведку.

– Гм, но тебе же будет тяжело справиться одному, если что-то пойдёт не так.

– Мне будет тяжело справиться, если не будет прикрытия с воздуха. Что от нас двоих толку, если никто не будет управлять беспилотником? – логично аргументировал Сергей и тут же отметил немаловажный факт: – К тому же, как я помню, языка противника ты толком не знаешь. Или я ошибаюсь?

– Ты прав. Действительно, с немецким у меня не очень. Я и в школе, и в институте английский учил, – не стал отрицать очевидного я.

– Вот и ладно. Значит, так и договоримся – будешь меня прикрывать, – отрезал Кудрявцев, ещё раз посмотрев на накладную, а потом негромко спросил: – А с датой как быть? Ты ж её не вписал.

– Но мы же не знаем, когда добудем подходящий автотранспорт. Как получится захватить, так сразу же и впишем от руки.

– Добро, – согласился напарник и вздохнул: – Знали бы, что такое дело будем готовить, нужно было бы трофейные грузовики попробовать глубже в лес запрятать. Старый-то только вот-вот обнаружили.

– Ну, этого мы знать не могли. Помнишь, как в пословице говорится: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Но не судьба. Теперь придётся новую операцию готовить.

– Это да, – согласился Сергей и тут же встрепенулся: – Слушай, а первый захваченный грузовик, тот, в котором мы Анну нашли, думаешь, тоже отыскали?

– Гм, да уж наверняка...

– А если нет?!

– Вряд ли. Он же ещё раньше последнего был. Значит, и искать его раньше начали. Так что, скорее всего, тоже обнаружен.

– Ну а вдруг всё же нет?! Может, глянем? Представляешь, если он всё ещё там?

– Гм, ну давай, – пожал я плечами. – Только именно сейчас посмотреть никак не выйдет. Аккумулятору нужно как минимум ещё часов пять заряжаться.

– Жаль, – вздохнул Сергей и, сказав, что в таком случае хватит лясы точить и пора за дело, надел перчатки, взял лопату в руки и приступил к продолжению раскопок гаража.

Ну а я, пообещав, что вскоре присоединюсь, направился в лабораторию. Нужно было поуклюже с новым дроном. Здесь, на большом столе, покоился наш второй шанс на спасение.

Основную работу я проделал: контроллер полёта, GPS-модуль, приёмник – всё это вынул из запасного комплекта и аккуратно распаял на родной плате. По поводу GPS-модуля я долго думал, но потом решил его оставить. Дело в том, что я точно не мог сказать, будет ли функционировать всё оборудование в его отсутствие, ведь изначально при проектировании электронной платы и программы для неё наличие данного модуля предполагалось. В общем, не стал рисковать и сделал всё так, как и задумывалось инженерами изначально. Но самым сложным была не сборка, а адаптация. Всё это железо рассчитывалось на спутниковую навигацию, которой в 1942 году не существовало в принципе. И в этом, разумеется, имелась проблема. Пришлось перепрошивать контроллер, зашивая в него алгоритм полёта по точкам, заданным просто по курсу и расстоянию от старта. Примитивно, но работать было должно.

Закончив с этим, приступил к работе с подвесами. Шесть электромеханических захватов, каждый на отдельном сервоприводе, должны по моей команде разжиматься, сбрасывая груз. В теории всё казалось просто. На практике третий и шестой захваты почему-то срабатывали синхронно, как будто связанные невидимой нитью.

Снова взял в руки мультиметр и паяльник.

– Так... Проверяем распиновку, – ворчал я себе под нос, переводя взгляд с распечатанной схемы на жгут проводов. – Канал три, канал шесть... На плате вроде бы разные выходы. Где-то перемычка или в прошивке косяк?

Отсоединил разъёмы, прозвонил каждую жилу. Всё было в порядке. Снова подключил – проблема оставалась.

Вздохнув, полез в настройки программы-конфигуратора на ноутбуке.

Монитор светил в полутьме лаборатории, отбрасывая синеватый отблеск на стены, заставленные стеллажами с деталями. На экране мелькали строки кода, параметры, таблицы соответствия...

Вскоре глаза начали слипаться.

Я откинулся на спинку стула и потёр переносицу.

«Нет, никаких гениальных идей на сегодня нет, – мысленно констатировал я. – Голова уже не варит. Впрочем, я и так неплохо постарался за день. Утром – боевой вылет и уничтожение группы немцев у грузовика. Потом – эта головоломка с накладной. Теперь вот тонкая работа с электроникой, где одна ошибка могла в воздухе привести к катастрофе. Впереди ещё куча дел: подобрать и сбалансировать подходящие аккумуляторы для второго дрона – мощ-

ные, но лёгкие, и лучше два комплекта. Найти для них зарядное устройство. Или подойдёт тот зарядник, что у нас есть для «Семицветика»? Хорошо бы подошёл, а то придётся колхозить и переходники делать, если заводские не найдутся в этих завалах. Эх, нужно бы как можно скорее добраться до склада электроники. Тогда проблема запчастей решится сама собой. Но когда это произойдёт, совсем непонятно. А жаль».

Взгляд упал на накладную, в которой кроме всего прочего говорилось про немецкие гранаты М-24, что в простонародье назывались «колотушками».

«А что, если такие удастся получить? Деревянная ручка, вытянутый цилиндрический корпус – совсем не то, что наша Ф-1. Механизм сброса для «лимонки», где нужно было просто выдернуть чеку, здесь не работает. Там нужно будет думать, каким образом открутить колпачок на ручке и резко дёрнуть за фарфоровый шарик внутри. Как автоматизировать это в полёте и при этом не угробить беспилотник, даже представить себе пока сложно! Совсем не тривиальная задачка, и нужно хорошенько над этим поразмыслить. Но это уже не сегодня, тем более что делить шкуру неубитого медведя как минимум глупо».

Решив, что на этом с умственной работой покончено, отключил паяльник, закрыл крышку ноутбука и с удовольствием потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки. Физический труд сейчас казался благословением – что-то простое, понятное, где результат зависел только от приложенных сил, а не от капризов микросхем и химических процессов, происходящих внутри черепной коробки.

«Пора, – решил я, вставая. – Разгружу товарища, мышцы разомну, а там, глядишь, и голова прояснится».

Вышел из лаборатории и только собрался направиться в сторону гаражного отсека, как встретил идущего на раскопки Сергея.

После чего, в двух словах описав текущие дела по дрону номер два, сообщил, что вскоре к нему присоединюсь.

Однако к моему удивлению, мой трудовой порыв был остановлен.

– Не надо, – произнёс напарник, вытирая испарину на лбу. – Я тут и без тебя поработаю – дело нехитрое. А ты лучше займись тем, что мальцу обещал сделать. Он ведь ждёт.

Вначале я не понял, куда тот клонит, а потом, вспомнив, устало вздохнул.

Кудрявцев, видя моё прозрение, лишь хохотнул.

– Обещал – так делай! – И повёз тачку к гаражу.

Ну а я... я закинул накладную на главный пост и направился поработать столяром.

В хозблоке было много чего: от рулонов изоленды до запасных частей для вентиляции. В углу, под пыльным брезентом, отыскал свою цель – скромный запас стройматериалов, оставшийся от какого-то давнего ремонта. Несколько обрезных досок, пару метров бруса 50х50, лист толстой фанеры, мешочек с шурупами и гвоздями. Как раз всё, что и нужно для строительства будки.

Раскатал удлинитель, подключил электроинструмент. Работа зашумела и забурчала в такт моим мыслям. Электролобзик с лёгким визгом вгрызался в фанеру, вырезая стенки и крышу. Дисковая пила ровно, с характерным рёвом, отпиливала доски по размеру. Я вымерял, пилил, собирал каркас из бруса, скрепляя его саморезами при помощи шуруповёрта, чьё жужжание на это время стало основным звуковым фоном. Потом обшивал каркас досками, подгоняя их так, чтобы не оставалось щелей. После недолгих размышлений крышу сделал съёмной, на петлях, – для удобства уборки.

Работа, несмотря на простоту, успокаивала. Здесь не нужно было думать о прошивках, радиусах действия или тактике. Только дерево, железо и чёткая задача: построить дом, который обещал.

Всё время, пока я работал, рядом со мной стоял заказчик – восьмилетний Ваня. Он слышал звуки электроинструмента и, придя на шум, сразу же понял, что именно я делаю.

– Дядя командир, а можно я помогу? – спросил он, сгорая от нетерпения.

Я вначале ему отказал, опасаясь и за него, и за сохранность деталей, но потом, поймав его умоляющий взгляд, подумал: «А почему бы и нет? Пусть чувствует себя причастным. Ведь по большому счёту это его затея».

– Хорошо, помощник, – сказал я, выключив лобзик. – Видишь те мелкие гвоздики? Наша задача – прибить эту планку к боковой стенке. Но чтобы она не болталась, её нужно ровно держать. Вот так. Ты крепко держи, а я буду забивать. Главное – пальцы под молоток не подставляй.

Мы встали рядом. Его маленькие, но удивительно цепкие руки плотно прижали планку к доске. Я сделал несколько точных, несильных ударов. Ваня серьёзно наблюдал за каждым движением, его глаза выражали напряжение и чувство ответственности.

– Дядь Коль, а долго мы будем делать дом Шарику? – спросил он, когда я закончил с планкой.

– Нет. Ты же видишь, что дело спорится. Так что думаю, сегодня всё закончим, – пообещал я.

– А ему там будет хорошо?

Я улыбнулся.

– Пока не ясно, Ванюш. Как построим, так у него и спросишь. Но мы постараемся сделать ему уютно.

Через два часа с работой было покончено. Будку, пахнущую свежей древесиной, перенесли в арсенал № 2. На заселение четвероногого жильца собрались почти все обитатели нашего убежища.

Не было только Сергея, который обещал подойти через минуту (сказал, что отвезёт последнюю тачку и будет «как штык»).

Решили подождать. Но всё нарушил Иван, который, не понимая, чего мы ждём, взял да и открыл дверь арсенала, тем самым впустив туда собаку.

Галина Ивановна и Аня собрались закрыть дверь, но было уже поздно. Четвероногий член отряда, словно бы почуяв, что именно это и есть теперь его дом, проник в помещение.

Шарик осторожно ступал по бетонному полу, настороженно принюхиваясь. Его нос вздрагивал, улавливая новые запахи. Потом он подошёл к будке, в которую мы заранее положили его старую подстилку – тряпье, на котором он спал последние ночи, – в надежде, что это поможет собаке привыкнуть к новым условиям. Он обнюхал вход, ещё раз посмотрел на нас умными, вопрошающими глазами и, кажется, решил, что всё в порядке. С негромким вздохом Шарик развернулся и улёгся внутри своего нового жилища, положив морду на лапы.

Мы радостно заплодировали, придя к выводу, что будка, судя по всему, ему понравилась.

– Ну честное слово, будка как для генеральской собаки, – сказала Галина Ивановна, качая головой. – Уж слишком большая честь для беспородного пса. Мог бы и как-нибудь без этого перебиться.

– Неправда! – тут же вступился Ваня, обнимая маму за ногу. – Шарику так будет спокойней. Он же теперь дома!

– И он совершенно прав, – поддержал я мальчика. – Всякое лаянье и вой на объекте нам уж точно не нужны! Тут всё должно быть тихо и спокойно! Тишина – это наше оружие...

Я не договорил, потому что в этот момент до наших ушей донёсся громкий, напряжённый крик из глубины коридора:

– Коля! Скорее сюда! Скорее!

В мгновение ока я выхватил макарова и приказав:

– Все в арсенал! И будьте тут, – бросился на выручку к Сергею.

В голове пронеслись панические мысли: «Неужели прорвались немцы?! Неужели они сумели обойти охранные системы видеонаблюдения?! Неужели они в бункере?!».

Сжимая оружие, я бежал по коридору, с каждым шагом приближаясь к цели. Сердце колотилось где-то в горле.

Когда я выбежал в нужный коридор, к своему удивлению, ни немцев, ни наших в виде напарника не обнаружил. Всё было тихо, только пыль висела в воздухе.

– Кудрявцев, ты где? – присев на колено прошептал я, приготовившись к стрельбе.

Ответа вначале не последовало, но уже через секунду из дверного проёма, что вёл в заваленный гараж, показался ошеломлённый разведчик. Он призывно махал мне рукой, указывая вглубь. И когда я туда осторожно подошёл (не опуская оружия), то открывшаяся мне картина заставила забыть о пистолете в руке.

– Я копал, – начал, задыхаясь, объяснять Сергей. – Всё как обычно: грунт, камни... А потом он, понимаешь, просто... провалился! Вся эта куча съехала вниз и в разные стороны. Оказалось, гараж был завален не полностью, а лишь, гм, сколько тут – он показал рукой, – метра три... Так значит, трёхметровым пластом земли был завален. Я раскопал осыпавшийся туннель, а он дальше сам обрушился и... Смотри!

Мы с напарником вскарабкались на свежееобразовавшийся склон земли и щебня. Под ногами всё хрустело и осыпалось. Он направил луч фонаря сквозь густую темноту обширного помещения. Пыль висела в воздухе столбом, рассекая свет. И в этом пыльном мареве проступали тёмные контуры.

Сергей, тыча пальцем в темноту, сдавленным от волнения голосом спросил:

– Николай, ты знаешь, что это?

Я аж крикнул от такого, как мне в этот момент показалось, дурацкого вопроса и, тут же утвердительно закивав, не сдерживая расплзающейся по лицу не менее дурацкой улыбки, радостным, волнительным тоном произнёс:

– А это, друг ты мой ситный, называется автомобиль КамАЗ с кунгом. Чуть впереди – УАЗ «буханка». Рядом с ним... да там, кажется, три байка. А вон в том углу, – я перевёл луч фонаря туда, где смутно угадывались приземистые силуэты на массивных колёсах, – стоят те самые квадроциклы, о которых я тебе не раз рассказывал. Одним словом, мы наконец откопали весь автопарк, который должен был тут быть. И он, похоже, цел.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.